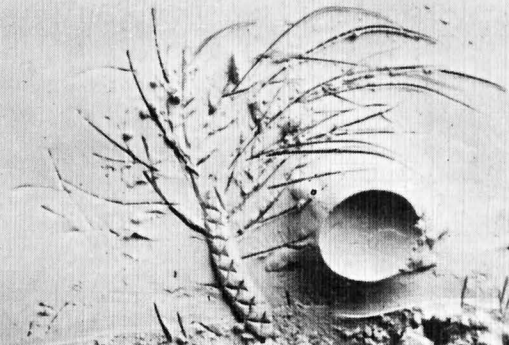

Всходы вечности

Всходы вечности

Всходы вечности

Иллюстрации
к сборнику "Всходы вечности.
Ассиро-вавилонская поэзия"
воспроизведены с рельефов,
выполненных в фарфоре
художником Д.Ф.Тереховым
специально для этого издания

Дмитрий Федорович Терехов
родился в 1936 г. в Москве. Окончил
Московское высшее художественно-промышленное училище.

Член Союза художников СССР.

Работает в области медальерного искусства,
станковой и книжной графики.

В издательстве "Книга"

им проиллюстрированы книги
серии "Писатели о писателях":

Ю.Тынянов "Пушкин", Ф.Грандель "Бомарше",

П.Щеголев "Дуэль и смерть Пушкина";

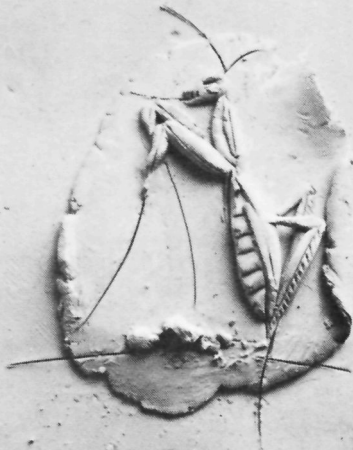
сборник "Книжные страсти (русская сатира XXII—XX вв.)".

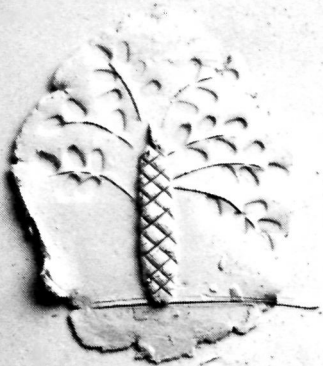
Иллюстрации с барельефов —
новый этап в творчестве художника.

Макет и оформление Б.В.Трофимова.

Фотосъемка Д.В.Белоуса.

Всходы вечности
Ассиро-вавилонская поэзия

Всходы вечности

Ассиро-вавилонская поэзия

В переводах В. К. Шилейко

Москва «Книга» 1987

Составители:

Т. И. Шилейко

Вяч. Вс. Иванов

Научное редактирование,
вступительная статья, послесловие,
примечания

д-ра филол. наук, проф.

Вяч. Вс. Иванова

Рецензент

д-р филол. наук, проф.

С. С. Аверинцев

В 4704000000-002 **Без объявл.**
002(01)-87

© Состав, вступительная статья, примечания, послесловие, художественное оформление. Издательство «Книга», 1987 г.

О поэзии древнего Двуречья

Поэзия давних времен обычно живет только передаваясь от поколения к поколению, благодаря преемственности фольклорной традиции. До сих пор известно лишь одно место на Земле, где уже больше четырех тысяч лет назад поэтические тексты начали записывать. Это Месопотамия (Двуречье— страна между Тигром и Евфратом) и соседние с ней области Древнего Востока. Шумеры— один из народов, заселявших значительную часть древнего Двуречья, уже в IV—III тыс. до н. э. записывали тексты с помощью рисуночного письма, из которого вскоре возникла клинопись. Самые ранние месопотамские письменные памятники представляют собой документы хозяйственной отчетности, однако вскоре стали записываться литературные произведения. Это делали шумеры и вытеснившие их позднее семиты,

основавшие сперва староассирийское государство, а затем Вавилон.

Основное население Ассирии и Вавилона во второй половине III и во II тыс. до н. э. говорило по-аккадски (соответственно с двумя разновидностями аккадского языка его иногда называют ассирово-вавилонским), однако язык шумеров сохранялся вплоть до I тыс. до н. э. в качестве священного литературного языка. Его изучали в особых школах, называвшихся «домами письма». Без знания шумерского языка нельзя было овладеть клинописью, многие знаки которой (логограммы, или шумерограммы) передавали именно шумерские слова и их значения, а звучание аккадских слов записывалось первоначально посредством сочетаний шумерограмм, подобно нашим ребусам или шарадам. Энциклопедически полная картина мира, к которой стремились писцы и ученые древней Месопотамии, изображалась ими в виде длинных списков шумерских слов и письменных знаков, относящихся к разным областям

жизни. Древнейшие из таких списков открыты 10 лет назад благодаря находке царских архивов северносирийского города Эблы, датируемых серединой III тыс. до н. э.

По мере открытия в XX в. все большего числа шумерских литературных текстов становится очевидным, что аккадская словесность сложилась в значительной степени под их влиянием. Но с аккадской литературой ученые Европы познакомились гораздо раньше, чем с шумерской. Это объясняется тем, что клинопись на протяжении первой половины XIX в. была дешифрована благодаря сличению трех—древнеперсидской, новоэламской и аккадской—версий надписей Ахеменидов—царей древней Персии, а к изучению шумерского языка наука подошла лишь после этого. Исследование трехъязычных надписей Ахеменидов позволило нескольким параллельно работавшим ученым—англичанину Г. Раулинсону, ирландцу Э. Хинксу (который первым выделил и шумерские тексты), немцу Г. Гротефенду и некото-

рым другим — добиться уже в 50-е гг. прошлого века понимания аккадской версии ахеменидских надписей. Это стало возможным после того, как Гротефендом в начале XIX в. были дешифрованы древнеперсидские надписи и позднее был найден путь к прочтению новоэламских. Уже после смерти Гротефенда начатые им исследования завершились тем, что в 1857 г. было доказано единство текстов на аккадском языке. Так родилась новая наука — ассириология.

Число выявленных к тому времени аккадских письменных памятников было очень велико и постоянно увеличивалось по мере расширения раскопок. Первые переводы этих текстов на европейские языки были сделаны на протяжении полувека, последовавшего за дешифровкой аккадской клинописи. По мере исследования в XX в. древнемесопотамской культуры все отчетливее выявлялось, как архаизм общества Двуречья, долго сохранявшего следы первобытной демократии (в частности, ограничение вла-

сти царя собранием воинов), сказался и в памятниках литературы.

Среди текстов, обративших на себя особое внимание исследователей с самого начала изучения месопотамской литературы, едва ли не наибольший интерес у специалистов по мифологии вызвала поэма «Энума Элиш». В переводе В. К. Шилейко она носит название «Когда вверху». В ее основе — миф о сражении богов с «праматерью Тиамат» (слова из перевода Шилейко), с которым связывается происхождение Земли и неба, всего мироздания. При большом архаизме мифологического содержания поэмы, в ней есть и элементы древних астрономических познаний, что видно из самой терминологии, совпадающей с астрологическими гадательными текстами.

Иначе говоря, эта поэма, как и некоторые другие произведения аккадской литературы, одновременно содержит и весьма древние мифы в форме, близкой к фольклорной, и отдельные черты месопотамской

тамской «преднауки». Такое соединение древнего с новым свойственно в целом аккадской литературе.

Текст поэмы «Энума Элиш» был впервые издан английским ученым Г. Смитом в 1876 г. Вскоре за этим последовало издание немецким ассириологом П. Хауптом в 1884—1891 гг. основных частей аккадского текста древнейшей эпической поэмы человечества «Гильгамеш».

Четыре тысячи лет назад были сложены части этой поэмы, дошедшие до нас на нескольких древне-восточных языках.

В ней воспеты великие подвиги героя Гильгамеша, уроженца древнего города Урука, его друга Энкиду, их сражение с чудовищем Хумбабой, смерть Энкиду и горе Гильгамеша, пытающегося узнать о судьбе мертвых в загробном мире. Мысли о жизни и смерти, вложенные в уста Гильгамеша, поражают философской глубиной.

К числу других эпических памятников аккадской литературы относятся такие (изученные отча-

сти в конце XIX в. и более полно на протяжении XX в.), как поэма об Атрахасисе, ряд поэм, связанных с нисхождением в загробный мир,— повествование о боге Нергале, рассказ о сошествии Иштар в ад, поэма о боге чумы Эрре (в эпосе— другое имя Нергала). Нравственные проблемы, судьба человека в мире и причины зла, допускаемого богами, составляют тему старовавилонской поэмы о Невинном страдальце и связанной с ней «Вавилонской Теодицеи», во многом напоминающей Книгу Иова*.

С повседневной обрядовой практикой, регулировавшей отношения между человеком и богом, связаны многочисленные заклинания и молитвы. К концу существования Вавилона и Ассирии все более возрастала роль предсказаний и гаданий (по внутренностям жертвенных животных, по движению светил,

* См.: Клочков И. С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время: Очерки. М., 1983.

по разным приметам, по аномальным рождениям и т. д.).

Не так давно изучен состав частных библиотек позднеассирийского времени. Выяснилось, что независимо от характера занятий владельца библиотеки основную массу текстов составляли предсказания. Жители древней Месопотамии никогда не были уверены в будущем (даже самом близком), что и определило особенности их чтения. Другие литературные жанры в этих библиотеках отсутствуют, а предсказаний в каждом частном собрании — несколько десятков, а то и больше сотни клинописных книг.

К стихотворным произведениям прикладного характера относились и разного рода заклятия, например от злых духов. В мире, где человек мыслил себя окруженным опасностями, которые воплощались в этих существах, охрана его (как и многие другие важнейшие общественные функции) доверялась поэзии.

Исследование эпической и лирической поэзии на шумерском языке, проведенное американским шумерологом С. Крамером и другими учеными на протяжении последних четырех десятилетий, открыло древнюю литературу, еще более архаичную, чем последующая аккадская.

Существенную часть этой раннешумерской поэзии составляют тексты обрядовые, например песни о любви Инанны и Думузи*.

Такие древнейшие образцы поэзии Шумера, как поэмы о мировом дереве и об орле Анзуд, оправдывают обозначение «мифопоэтический», которое часто прилагается к характеру мышления в древней Месопотамии**. Под этим термином имеется в виду описание мира с помощью имен и понятий, заимствованных из мифологии, которая представляла собой

* См.: Лирическая поэзия Древнего Востока. М., 1984.

** См. об этом подробно: Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсон Т. В преддверии философии: Духовные искания древнего человека /Пер. с англ. под ред. и со вступ. статьей В. В. Иванова. М., 1984 (там же библиография).

первую систематизированную картину вселенной. В мифологии наряду с чертами поэтическими были и преднаучные, например в эпосе «Энума Элиш». О многих сторонах жизни людей Вавилона и Ассирии, их помыслах и нравах мы узнаем только благодаря аккадской литературе.

Поэзия древней Месопотамии неотторжимо связана со всей жизнью общества, ее породившего. Знакомясь с ней, мы в какой-то мере проникаем и в далекую от нас культуру.

До 20-х гг. нашего века русский читатель мог знать об этой яркой начальной странице истории мировой поэзии только по отдельным переложениям с европейских языков, сделанным неспециалистами. Замечательный русский ученый В. К. Шилейко был первым, кто перевел всю ему известную совокупность древнемесопотамских поэтических текстов с оригинала на русский язык. Тогда, в 20-е гг., аналогичных собраний переводов на новых европейских языках не было. Они появились ближе к нашему

времени. Но ни одному из подобных европейских изданий не удалось воплотить такого соединения одаренности переводчика с научным проникновением исследователя, которое было уникальным свойством Шилейко. Поэтому, несмотря на значительные собственно филологические достижения переводчиков новейшего времени, поэтические результаты В. К. Шилейко остались непревзойденными. За более чем полстолетие, прошедшее после смерти В. К. Шилейко, ассириология и в особенности шумерология продвинулись далеко вперед благодаря открытию и систематическому изучению как новых копий и фрагментов ранее известных текстов, так и большого числа произведений (в частности, шумерских) до тех пор неизвестных. Вместе с тем становятся доступными и древние переложения некоторых шумерских и аккадских текстов на другие древневосточные языки (хеттский, хурритский и т. д.). По мере расширения наших знаний все более заметным становится вклад, внесенный в свое время В. К. Ши-

лейко (более подробно об этом говорится в послесловии к книге).

В сборник включены наиболее характерные образцы не публиковавшихся ранее поэтических переводов В. К. Шилейко с шумерского и аккадского.

Вяч. Вс. Иванов

Ассиро-вавилонская поэзия

Нинни и Думузи

Далеко разносится жалоба,
«Сын мой!» — далеко
 разносится жалоба,
«Супруг мой!» — далеко
 разносится жалоба,
«Жрец мой!» — далеко
 разносится жалоба.
От священных кедров,
 растущих на воле,
от Эанны горе и долу
 разносится жалоба.
Плачем о доме владыки
 разносится жалоба,
плачем о граде владыки,
 разносится жалоба.

Этот плач достигает льна,
и лен не приносит одежды,
этот плач достигает зерна,
и зерно не приносит колосьев,
достигает он житниц с добром,
и они не приносят богатства,
достигает жен и детей,
и из них не рождается сила,
этот плач достигает реки,
и река не рождает кустов,
этот плач летит над полями,
на полях не рождаются злаки,
этот плач летит над прудом,
и в пруду не рождаются рыбы,
этот плач летит над болотом,
и оно не родит камышей,
этот плач раздается в лесу,
и в лесу не растут тамариски,
этот плач раздается в степи,
и она не рождает колючек,

этот плач раздаётся в садах,
не рождается мед и вино,
этот плач раздаётся над зеленью,
и чеснок не рождает головок,
этот плач достигает дворца,
и в нём иссякают рожденья.

Плач раздаётся о пастыре:

«В пучину, в пучину
глубоко погружен он,
о дитя, в пучину
глубоко погружен он,
о супруг, в пучину
глубоко погружен он,
о жрец, в пучину
глубоко погружен он,
о Кади, в пучину
глубоко погружен он!» —
«Кедры направо —
кипарисы налево,

о мать, вокруг меня
 возносятся кедрь,
возносятся кедрь,
 благононные кедрь,
черные дети
 земли Дильмуна!
Ими покрытый
 умыт мой лик,
в прекрасном венце
 умыт мой лоб,
с кедровой ветвью
 умыта длань,
в полотне и повязках
 умыто тело!» —
«Сын мой, сын мой,
 где он лежит?
Горький герой,
 где он лежит?
Горький супруг,
 где он лежит?

Горький жрец,
где он лежит?
Сын мой во прахе лежит,
покрытый прахом!
Супруг мой в прахе лежит,
покрытый прахом!
Между кедров лежит он,
исполненный плача,
меж тamarисков лежит он,
исполненный стонов!
Сына в закатную степь
уносит пучина,
из закатной в восточную степь
уносит пучина,
среди степей
на страже лежит он,
как пастырь при овцах,
на страже лежит он».
Плач во время речного разлива:
«Велик он, велик он,

владыка велик!
Владыка, велик он,
владыка велик!
Супруг мой велик,
владыка велик!
Жрец мой велик,
владыка велик!
Кади, велик он,
владыка велик!
Храм его — храм великий,
владыка велик!
Град его — град великий,
владыка велик!
Что он задумал,
то и исполнит,
что пожелает,
то и случится,
что повелит он,
то и свершится.
Мать, что его родила,

Нергал и Эрешкигаль

полна ликования,
река, что его унесла,
обращается в море,
чудесны его небеса,
владыка велик!
Велик он, велик он,
владыка велик!»

Нергал и Эрешкигаль

Когда боги устроили праздник,
к сестре своей Эрешкигаль
они послали посла:
«Мы не можем спуститься к тебе,
да и ты не поднимешься к нам,—
повели принести нам твой хлеб».
И послала Эрешкигаль / Намтара-посла,
и поднялся Намтар / к высокому небу,
и вошел он в круг, / где сидели боги.

Посмотри-ка, ушел Намтар, / понес свою весть:
«Я взошел к богам, / я их сосчитал,
но один из богов / позади притаился,
вижу я — нету бога, / который не встал предо мною».
Эрешкигаль уста / открыла, вещает,
говорит Намтару, / послу своему:
«. месяц,
. Эа, / мой славный владыка,
. / в руки Эа».
Идет он к Эрешкигаль, / плачет и воеет,
перед Эа — отца / текут его слезы.
(Эа открыл уста, / вещает Нергалу:)
«Что ты не уцелеешь, / того не бойся, —
я дам тебе дважды семь
с тобой пойдут
. / Мутабрику, Шарабду,
Рабису, Тирид, / Идибту, Бенну,
Сидану, Макит, / Буель-упри, Умму,
Либу и . . . / пойдут с тобою».

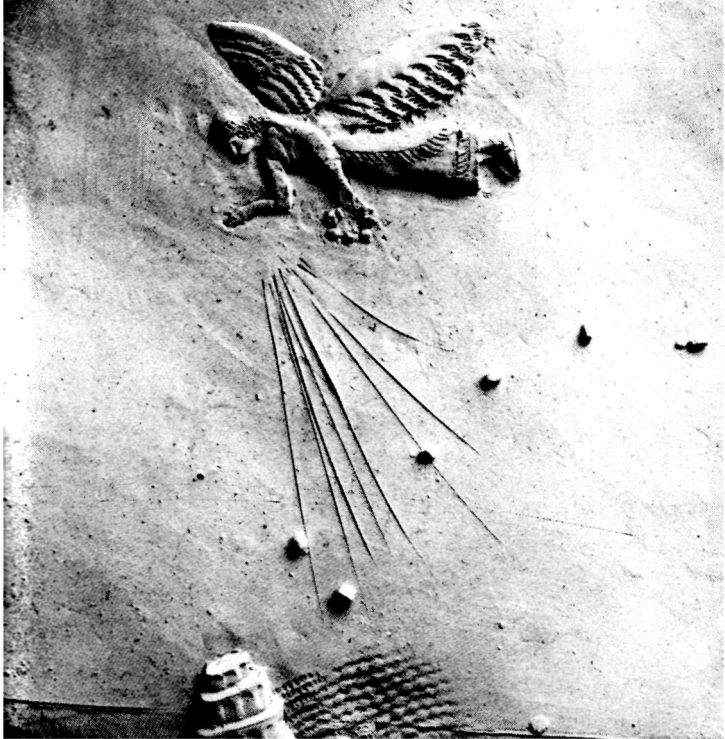
И пошел Нергал / к вратам Эрешкигаль,
закричал: «Привратник, / открой ворота,
отодвинь засовы, / чтоб вошел я!
К твоей госпоже, / Эрешкигаль, я послан».
И пошел привратник, / вещает Намтару:
«Бог там какой-то / стоит в воротах,
пойди, погляди, / входить ли ему».
Вышел Намтар, / поглядел, усмехнулся,
возвратился довольный, / говорит госпоже:
«Госпожа, это бог, / что в прошлый месяц
утаился, не встал / пред моим лицом».
— «Приведи его. Пусть / он войдет и умрет».
Вышел Намтар, говорит: / «Войди, господин.
К дому / твоей сестры
. Нергал, / твое сердце пускай ликует».
(Отбиты три строки)
. / у входа в другие ворота,
. в третьих, / Мутабрику в четвертых,
Шарабду в пятых, / Рабису в шестых,
Тирид в седьмых, / Идибту в восьмых,

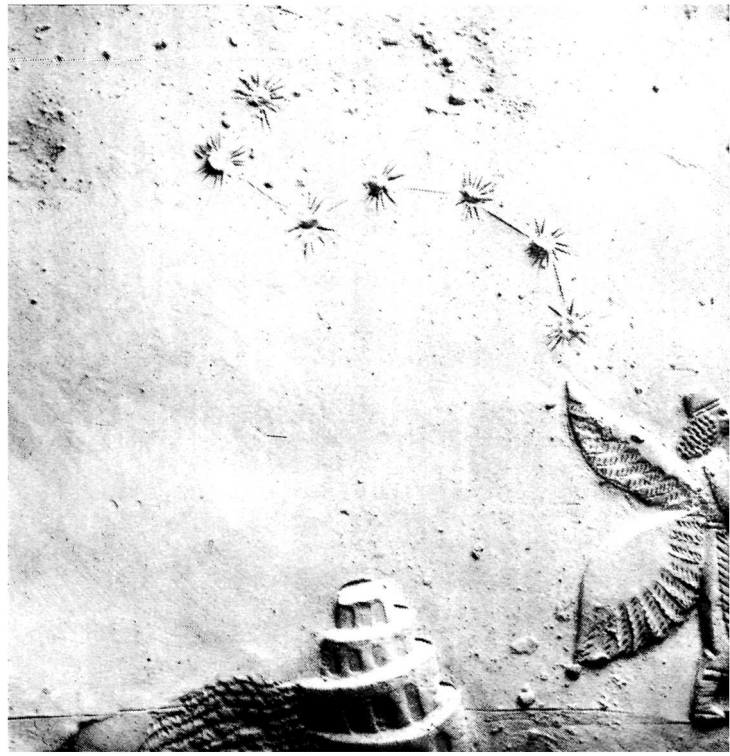
Бенну в девярых, / Сидану в десярых,
Макит в одиннадцатых, / Буль-упри в двенадцатых,
Умму в тринадцатых, / Либу в четырнадцатых
вратах он поставил, / . . . на дворе он рассек.
Намтару-воину / говорит он веление:
«Открой ворота, / я нападy на вас!»
В недрах дома / схватил он Эрешкигаль,
за ее власы / он ее совлекает
с престола на землю, / чтобы отсечь ей главу.
«Не убивай меня, брат мой, / я скажу тебе слово!»
Нергал ее услышал, / и руки его разомкнулись,
она рыдает и плачет:
«Будь моим мужем, / я буду твоей женой,
я дам тебе власть / над Обширной страной,
Книгу Премудрости / я дам тебе в руки,
ты будь господином, / я буду госпожою».
Услышал Нергал / все эти речи,—
обнял ее и целует, / утирает ей слезы:
«Что же ты мне желала / с месяцев прошлых
до этой поры?»

Гильгамеш

вариант VI таблицы

Он омыл свой меч, он очистил свой меч,
по спине своей он распустил свои кудри,
снял он грязное платье, чистым платьем облекся,
увенчался тиарой и нагрудник надел;
на красу Гильгамеша подняла свои очи
царица Иштар: «Пойдем, Гильгамеш, любовником
будь мне,
твою прелесть мужскую подари мне в подарок!
Будь моим мужем, возьми меня в жены:
дам тебе я повозку из лазури и злата,
с золотыми колесами и с ярмом из камней.
Будешь ты запрягать каждый день в нее мулов.
Так войди же в наш дом в благовонии кедров!
Когда войдешь ты в нашу обитель,
обладатели тронов упадут тебе в ноги,
пред тобою согнутся цари и владыки,
и долины и горы принесут тебе подать,

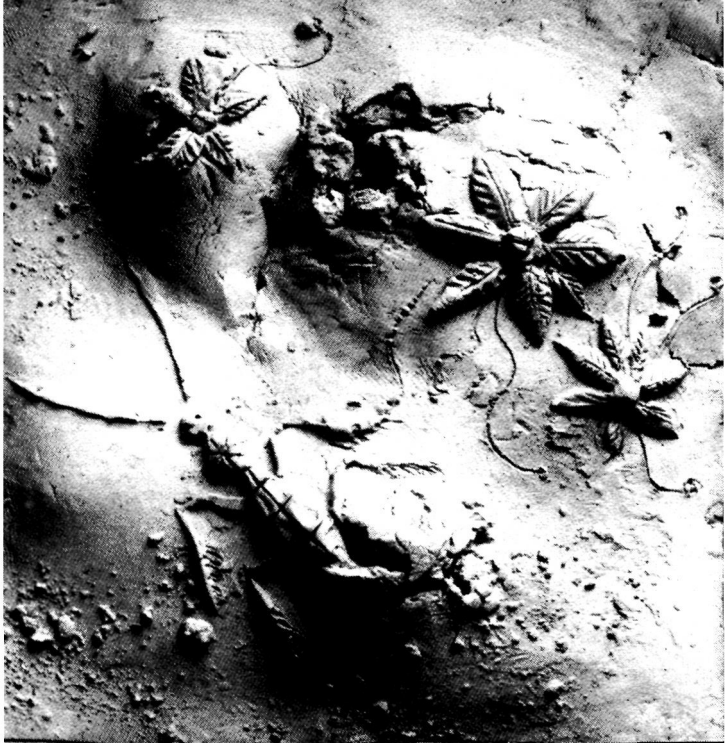
овцы стад твоих будут рождать тебе двойни,
перед стягом твоим мул твой будет идти.
Конь в твоей колеснице будет бегом могуч,
твой осел подъяремный не изведает равных».
Гильгамеш уста открыл, говорит,
так изрекает царице Иштар:
«Оставь для себя ты свои богатства,
прикрасы тела и одеянья!
Оставь себе ты питье и пищу,
вино и хлебы, усладу божью,
хмельную брагу, царей усладу!
Ты — негодная дверь, не державшая ветра,
ты — дворец, что погубит, развалившись, героя,
ты — как слон, разодравший свои покровы,
ты — как факел, ожегший факелоносца,
мех, обливший водою своего водноса,
камень ты, разваливший свою крепкую стену,
яспис ты, . . . на враждебную землю,
ты — сапог, . . . своего господина!
Кого из любовников любила ты долго,

какой супруг твой еще тебе мил?
Смотри, я открою тебе весь блуд твой!
Богу Таммузу, дружку твоей юности,
из года в год судила ты плач.
Пеструю птичку алаллу любила ты,
и ее ты избила, поломала ей крылья,
и живет она в чаще и кричит она: каппи!
Полюбила ты льва, совершенного силой:
семь и семь ты ему вырыла ям.
Полюбила коня ты, гордого в битве:
удила ему, шпоры ты судила и бич,
семь двойных часов бега ты ему присудила,
ты его заставляешь пить нечистую воду,
его мать Силили ты заставила плакать.
Пастуха ты любила, пасущего стадо:
каждый день сожигал он тебе куренья,
каждый день приносил он тебе ягнят;
ты избила его, обратила в шакала,
и его прогоняет его же стадо,
и его же собаки его кожу кусают.

Ишуллану любила ты, садовника отчего,
каждый день приносил он тебе плодов,
каждый день украшал он твой стол цветами,
на него подняла ты свои глаза:
«Ишуллану мой сильный, давай насладимся,
протяни свою руку и коснись моих прелестей!»
А Ишуллану тебе ответил:
«Что тебе до меня, чего тебе надо?
Разве мать не варила, разве я не вкушал?
Для чего ж ты даешь мне снедь стыда и проклятий,
для чего ж одеваешь ты в терновник меня!»
Ты услышала такое слово,
ты избила его, обратила в долалу.
Ты его заключила внутри его дома,
он не выйдет на кровлю, не сойдет . . . !
И меня, полюбивши, как других, превратишь ты!»
Когда Иштар услышала такое,
Рассердилась Иштар, поднялася на небо,
и приходит Иштар пред Ану-отца,
перед матерью Анту приходит и молвит:

«Мой отец, мой отец, Гильгамеш меня проклял,
Гильгамеш перечислил мои злодеянья,
Мои злодеянья, мои проступки!»
Ану уста открыл и вещает,
обращает он слово к царице Иштар:
«Увы, ты
Гильгамеш перечислил твои злодеянья,
твои злодеянья, твои проступки!»
Иштар уста открыла, вещает,
Ану-отцу говорит она слово:
«Создай, отец мой, быка в небесах,
пусть Гильгамеш исполнится страха!
Если ты не создашь быка в небесах,
я сломаю!»
Ану уста открыл и вещает,
к царице Иштар обращает он слово:
«Что тебе до меня, чего ты желаешь?
. семь лет солому
. ты собираешь.
. срываешь травы?»

Иштар уста открыла, вещает,
Ану-отцу говорит она слово:

« я сокрушила,
. я поселила!
. семь лет солому
. я собирала,
. срывала травы!»

(Лакуна в 33 строки)

Эбани уста открыл и вещает,
к Гильгамешу он обращается с речью:

«Мой друг, мы сразили»

(Лакуна в 23 строки)

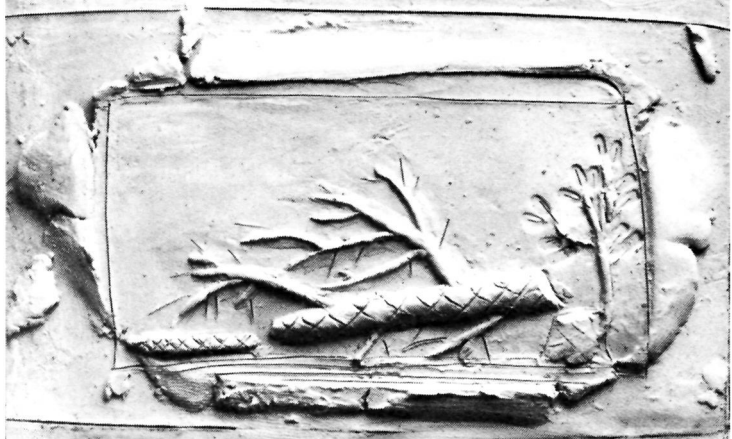
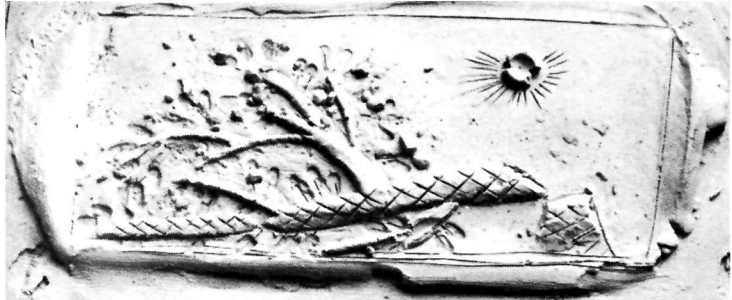
Иштар поднялась на стену Урука,
вскочила на стену, бросает проклятья:
«Горе Гильгамешу! Меня он обидел, убил он быка!»

Слова Иштар услышал Эбани,
вырвал бок у быка и в лицо ей бросает:

«Эй, погоди, и тебя я поймаю,
как с этим быком, с тобой поступлю я,
вкруг тела тебе оберну его кишки!»

Иштар собирает своих причетниц,
веселых женщин и дев веселья,
о боке быка подняла она плач.
Гильгамеш всех искусных, всех строителей кличет,
и строители мерят рога быка:
тридцать мин лазури рога его весят,
два пальца имеют они толщину,
пять гуров елея они вмещают,
богу дарит он их своему, Лугальбанде,
он вешает их в своем царском покое.
В Евфрате моют они свои руки,
собираются в путь, выходят в дорогу,
и приходят они на стогна Урука,
люди Урука собираются, смотрят.
Гильгамеш к слугам дворца своего слова обращает:
«Кто прекрасен среди мужей?
Кто всемогущ среди мужей» —
«Гильгамеш прекрасен среди мужей!
Гильгамеш всемогущ среди мужей!»

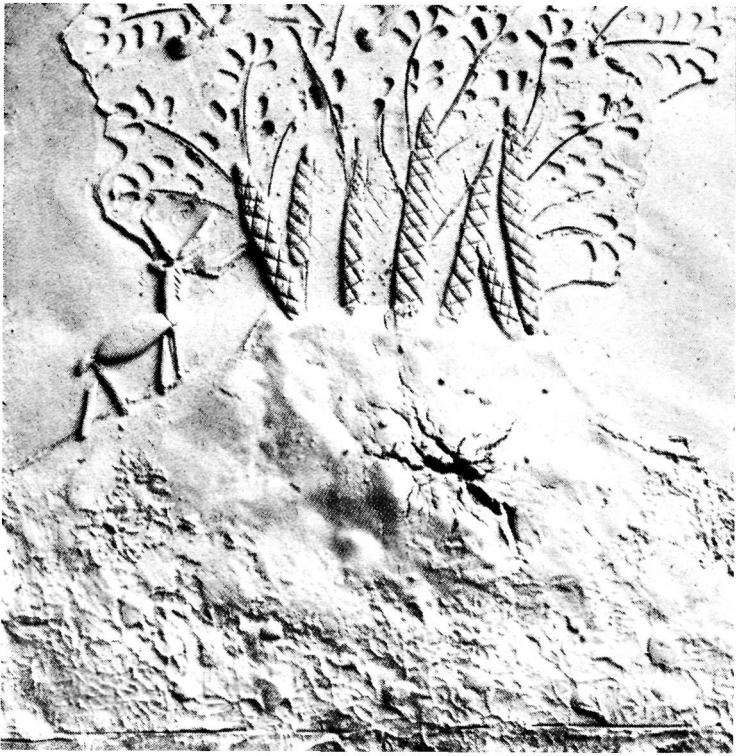

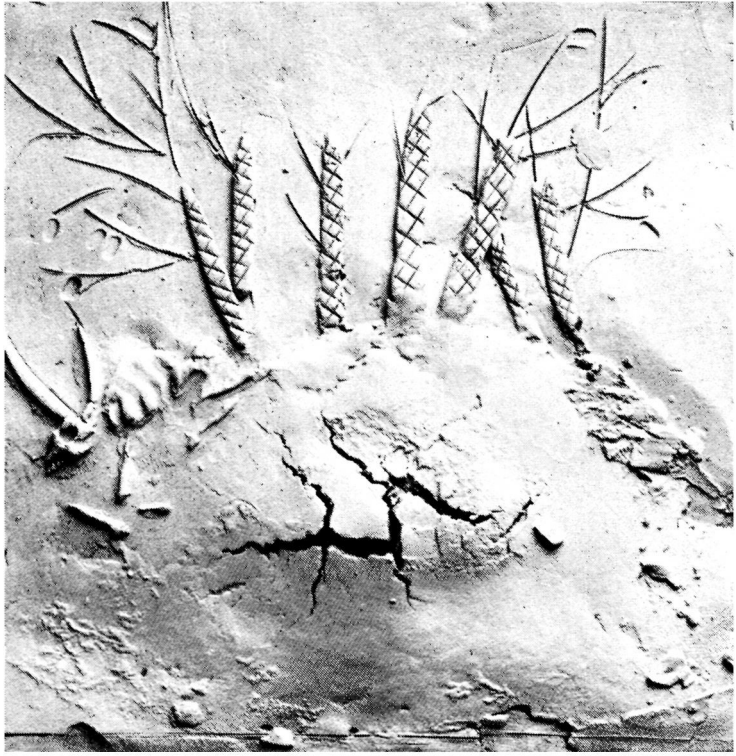
II

В светлом веселье им отвечает Ану,
к чистой Иштар в радости сердца благосклонно
он обратился:
«Приказ моего божества бесподобен, как дивное небо,
он — предел, внушающий страх, к нему нельзя
приближаться.
Я — Ану, владыка, их вождь, — стань во главе их,
овладей простором их царства, царствуй одна.
К моему владычному дому поднимись и воссядь в
вышине.
Подобно имени моему, «Анту горняя» будешь ты
зваться.
Пусть мой верный посол, чьи уста драгоценны,
знающий тайны,
пусть Илабрат, мой славный посол, будет твоим гонцом.
Пусть он перед тобой ублажает богов и богинь.

IV

Когда владыка дочери Сина жребий ее указал,—
в светлый храм свой Эанну не запер ей входа,
когда царь Ану Ининне жребий ее указал—
светлый храм свой Эанну он подарил ей в подарок,
божьей одеждой, блеском ясного Сина он одел ее тело,
царские камни— божи убрания он зажег словно день,
страшный скипетр владычный, беспощадный
в сраженье, дал он ей в руки;
дивной тиарой, подобной Наннару, покрыл ей главу:
«О богиня! тяжкий жребий, нерассудимые судьбы, все
я тебе отдаю,
словно ко мне самому, Эллил, владыка земель, будет
к тебе благосклонен!»

Адапа

I. Первый фрагмент

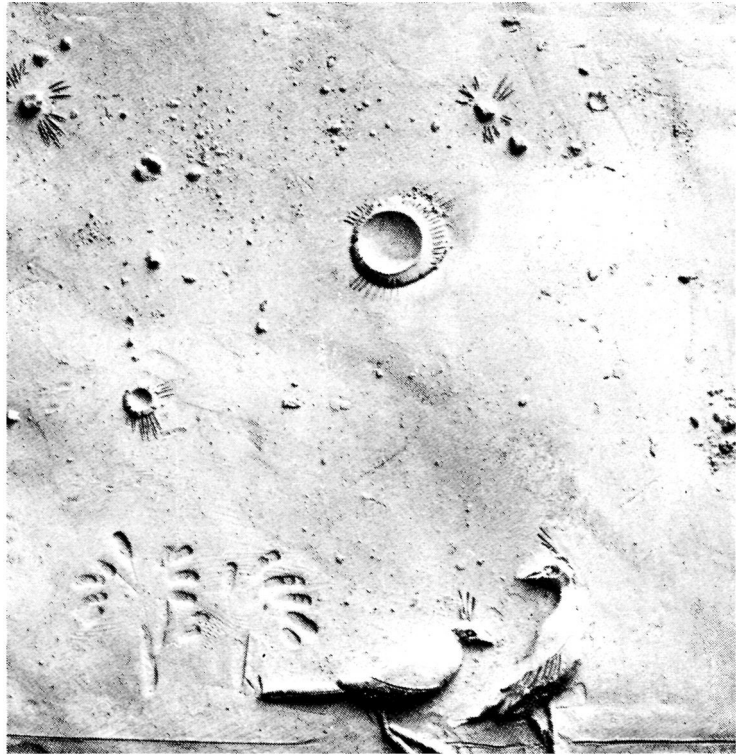
Уразумел он премудрость и
его слово было, как слово Ану.
Он умудрил его разум, он открыл ему образ миров,
мудрость дал он ему, вечной жизни он ему не дал.
В эти дни, в эти годы мудрый сын Эреду,—
За его, как между, создал среди человеков,—
мудрый, чьего повеленья никто не нарушил,
хитрый, проворнейший он среди ануннаков,
светлый, чистый руками, помазанник, чтущий законы.
Вместе с пекарями хлеб печет он,
с пекарями Эреду хлеб печет он,
снедь и воду для Эреду каждый день он готовит,
своей чистой рукой столы накрывает,
а когда его нет, от стола не вкушает;
лодку он снаряжает, ловит рыбу для Эреду.
В это время Адапа—сын Эреду,
. . . За, ложась и вставая,

каждый день отмыкает замки Эреду,
с пристани Новолунья садится он в лодку,
подымается ветер и влечет его судно,
камышовым веслом направляет он судно
. в открытое море . . .

II. Второй фрагмент

«Южный ветер
к дому Владыки меня прогнало:
южный ветер, с дороги я тебя уберу,
. тебе крылья сломаю!»
Как он устами изрек, ветру крылья сломал он.
Семь дней южный ветер не дул в стране;
Ану послу своему Илабрату кричит:
«Зачем семь дней этот ветер не дует в стране?»
Его посол Илабрат отвечает владыке:
«Адапа, сын Эа, крылья у ветра сломал».
Едва это слово услышал Ану,
встал он на троне, закричал он: «На помощь!
Пусть его приведут».

В то время Эа, знающий небо,
прикоснулся к нему
Он одел его в траур, дал ему повеленье:
«Адапа, пред Ану, царя, теперь ты пойдешь.
Когда до неба ты доберешься,
когда подойдешь ты к воротам Ану,—
в воротах Ану Таммуз и Гишзида
стоят; увидев тебя, они закричат: «Человек,
скажи, зачем ты так разубрался?
Адапа, зачем ты оделся в траур?»
— «В нашей стране исчезли два бога,—
вот почему я так разубрался».
— «Кто эти два бога, что в стране исчезли?»
— «Таммуз и Гишзида».
Друг на друга взглянут, начнут удивляться,
доброе слово замолвят Ану,
в добрый час они Ану тебе покажут.
Когда перед Ану стоять ты будешь,
хлебы смерти тебе предложат,—
а ты не ешь;

воду смерти тебе предложат,—
а ты не пей;
потом одежду тебе предложат,—
и ты надень;
еще еля тебе предложат,—
и ты помажься.
Моего повеленья ты не забудь;
слова, что сказал я, держись крепко».
Посол от Ану тогда явился:
«Адапу, что южному ветру крылья сломал,
пускай приведут».
Дорогою к небу его вели, он поднялся на небо;
когда до неба Адапа поднялся,
к воротам Ану когда подошел он,—
в воротах Ану Таммуз и Гишзида
стоят, увидали Адапу—и закричали: «На помощь!
Человек, для чего ты так разубрался?
Адапа, зачем ты оделся в траур?»
— «В нашей стране исчезли два бога,—
вот почему я так разубрался».

— «Кто эти два бога, что в стране исчезли?»

— «Таммуз и Гишзида».

Друг на друга взглянули они, удивились оба.

Адапа к Ану царю когда подошел,

увидал его Ану и молвил: «Подойди-ка, Адапа!

Зачем ты южному ветру крылья сломал?»

Адапа Ану ответил: «Владыка,

в доме Владыки, в пучине моря

рыбу удил я; море как зеркало было.

Южный ветер подул—и меня потопил,

в доме Владыки нырнул я.

В гневе сердца тогда я его ухватил,» —

он ответил; о нем Таммуз и Гишзида

доброе слово вещают Ану.

Его сердце утихло, его гнев усмирился:

«Зачем же Эа нечистым людям небо и землю открыл,

дал им мудрое сердце, создал им имя? Что же нам

делать теперь?

Хлебы жизни ему предложите,— пусть он их ест».

Хлебы жизни ему предложили,— он их не ест.

«Воду жизни ему предложите,— пусть изольет».
Воду жизни ему предложили,— а он не пьет.
Потом одежду ему предложили,— и он надел;
еще елея ему предложили,— помазался он.
Ану взглянул на него и ему дивился:
«Что ж, Адапа, зачем ты не поел, не испил?
Теперь ты не будешь жить, теперь человеки
не вечны».
— «Эа, владыка, сказал мне: «Ты не ешь
и не пьешь».
— «Возьмите его, отведите обратно на землю».

III. Третий фрагмент

«Спи,» — он ему говорит — а тот поглядел;
«Сиди», — он ему говорит — а тот приподнялся.
Ану деянию Эа весьма удивился:
из богов небес и земли, кто сделал бы это,
свое слово, как слово Ану, кто мог бы возвысить?
Адапа от края небес до выси небесной

глядит и видит весь ужас неба.

Ану узрел, что Адапа ему не послушен,
что велению Эа оказал предпочтение,—
дал ему власть без конца, сделал судьбу его
светлой:

пусть услышит Адапа, семя людское,
тот, что южному ветру крылья сломал,
как возносится к небу: «Пусть совершится».

Беды, что злое людям приносят,
болезни, что тело у людей удручают,—
царица Нинкаррак их все успокоит,
встанет оцепенение, и болезнь отойдет.

. его лихорадка постигнет
. доброго сна не увидит Адапа
. радость сердца людского.

(Остаток разбит)

Миф о Зу

I

Похищение Книги Судьбы

И веление всех богов утвердил он,
обратился, коснулся, посылает он Зу.
И когда он окончил, подошел к нему Бел.
Сверкание чистой воды перед ним,
на деянье владыки глядят его очи:
на тиару господства, на божью одежду,
на божьи Книги Судьбы Зу все смотрит и смотрит;
и когда Дуранки, отца богов,
жажду господства почуял он в сердце.
Зу, как увидел Дуранки, отца богов:
«Божьи Книги Судьбы я захвачу,
повеленье богов все я узнаю,
утвержу я престол, овладею законом,
буду править я всеми, сколько есть их Ингигов».
И когда возмущенье вошло в его сердце,
и замеченной двери дворца ждет он ранней зарей.

Когда Бел умылся чистой водой,
воссел на троне, надел тиару—
Книги Судьбы тогда ухватил в свои руки,
облекся властью, похитил законы,
улетел тогда Зу, в горах уселся,
пролилось молчанье, раздался голос.
От отца и советника, светлого Бела,
весь дворец наполняется ясным блеском,
и богини приходят за его повеленьем.
Ану уста открыл, говорит,
так изрекает богам, своим детям:
«Кто из вас хочет Зу погубить,
кто хочет по градам свое имя прославить?»
Они призывают вождя, сына Ану,
Ану веленье свое ему изрекает;
Адада они призывают, вождя, сына Ану,
Ану веленье свое ему изрекает:
«Мощный, ужасный Адад, нападай неуклонно,
Зу погуби своим оружием,
будет имя твое величаться в сонме великих богов,

между богов, твоих братьев, равных тебе
не найдется.

Пусть построены будут божьи дворцы,
по всей вселенной построй себе грады,
пускай твои грады причтутся к Экуру,
будь великим среди богов, греми своей славой».

Адад отвечает на речь,
к Ану-отцу обращает слово:

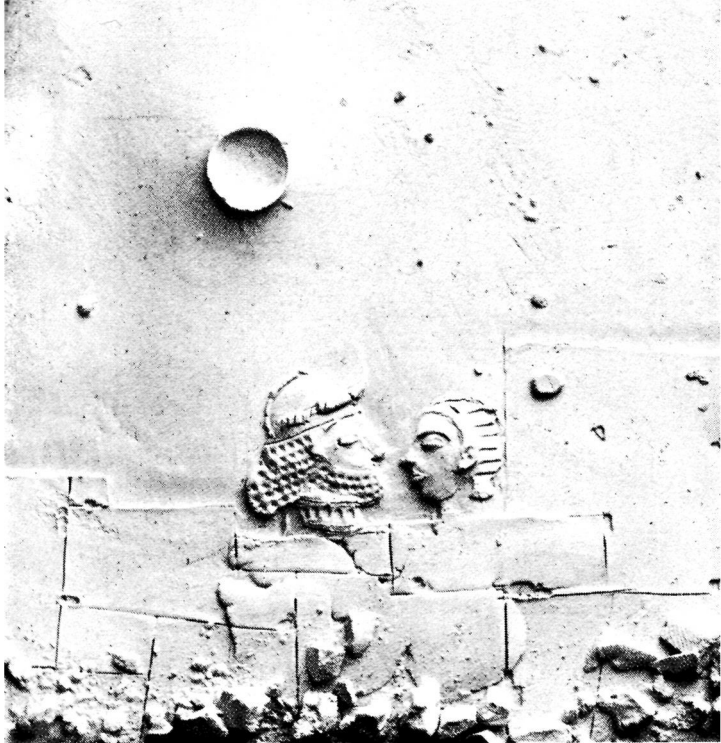
«Отец, в недоступные горы кто поспешит?
Кто сравняется с Зу меж богов, твоих чад?
Книги Судьбы ухватил он руками,
властью облекся, похитил законы,
улетел тогда Зу, в горах уселся,
изрекает устами, словно боги Дуранки.
Супостатов своих он пылью считает,
силы его . . . ужасаются боги».

Ану Ададу повелел не ходить.

Богиню зовут они, дочь Ану,

Ану веленье свое ей изрекает:

«Мощная, ужасная Иштар, наступай неуклонно,
Зу погуби своим оружием,

будет имя твое величаться в сонме великих богов,
между богов, твоих братьев, равных тебе не найдется.

Пусть построены будут божьи дворцы,
по всей вселенной построй себе грады,
пускай твои грады причтутся к Экуру,
будь великой среди богов, греми своей славой».

Иштар отвечает на речь,
к Ану-отцу обращает слово:

«Отец, в недоступные горы кто поспешит?
Кто сравняется с Зу меж богов, твоих чад?
Книги Судьбы ухватил он руками,
Властью облекся, похитил законы,
улетел тогда Зу, в горах уселся,
изрекает устами, словно боги Дуранки.
Супостатов своих он пылью считает,
силы его ужасаются боги».

Ану Иштар повелел не ходить.

Бара зовут они, сына Иштар,

Ану веленье свое ему изрекает:

«Мощный, ужасный Бара, наступай неуклонно,

Зу погуби своим оружием,
будет имя твое величаться в сонме великих богов,
между богов, твоих братьев, равных тебе
не найдется.

Пусть построены будут божьи дворцы,
по всей вселенной, построй себе грады,
пускай твои грады причтутся к Экуру,
будь великим среди богов, греми своей славой».

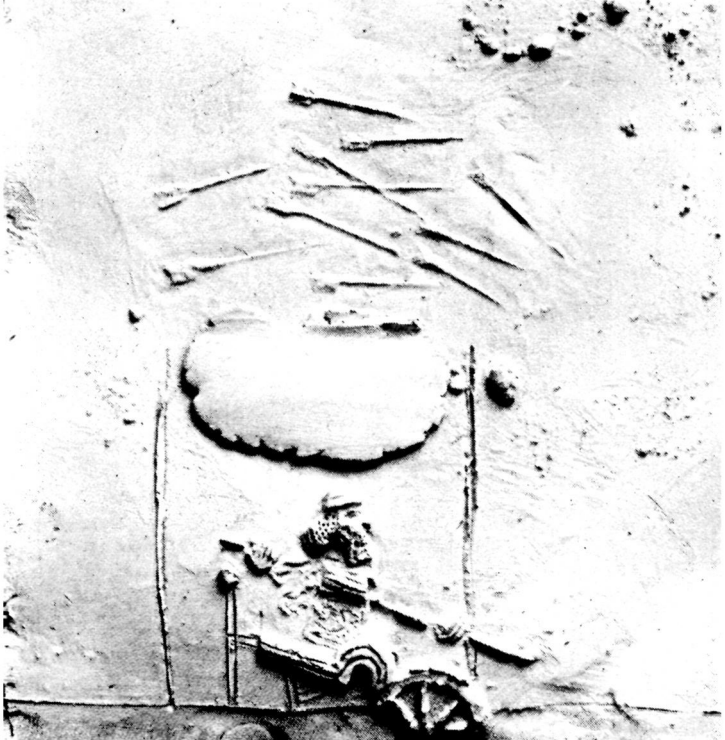
Бара отвечает на речь,
к Ану-отцу обращает слово:

«Отец, в недоступные горы кто поспешит?
Кто сравняется с Зу меж богов, твоих чад?
Книги Судьбы ухватил он руками,
властью облекся, похитил законы,
улетел тогда Зу, в горах уселся,
изрекает устами, словно боги Дуранки.
Супостатов своих он пылью считает,
силы его ужасаются боги».
Ану Бара повелел не ходить.

.....

(Конец третьей колонны)

Сравняться с Зу

Нергал

вот, я пойду
сравнятся с Зу
и услышали боги вещания Эа,
задрожали они
Эа уста открыл и вещает,
к Ану он обращает слово:
(Конец разбит)

Нергал

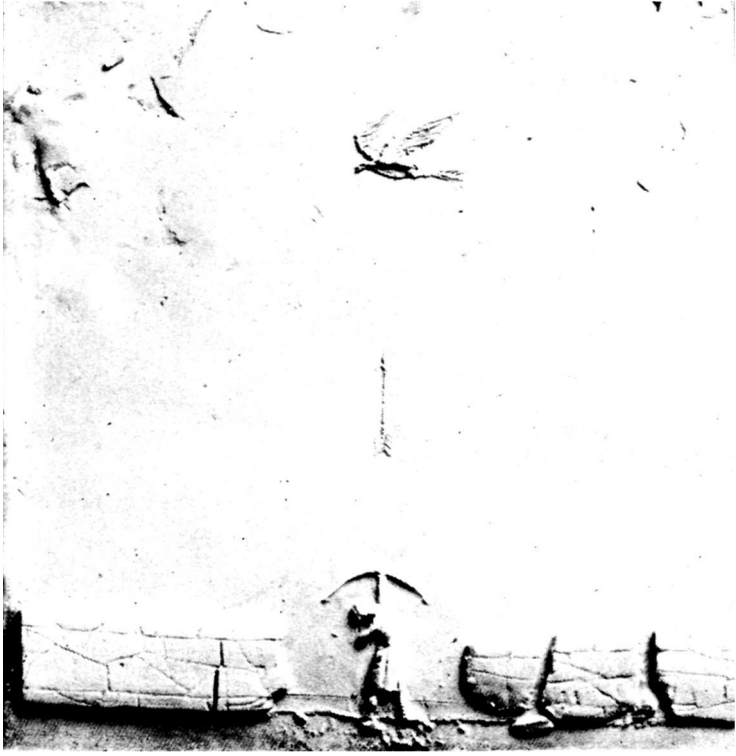
Славный могучий владыка, первенец Бела,
вождь ануннаков, владыка сражений,
сын Кутушар, великой царицы,
Нергал, предводитель богов, любимец Нинменанны.
Светел ты средь высоких небес, высоко твое место,
ты велик в преисподней, равных нет у тебя;
с Эа в сонме богов твое слово почтенно,
вместе с Сином с небес прозреваешь ты все.

Дал тебе Бел, твой отец, всех людей и все травы,
скот и тварь полевую поручил он тебе.
Я, NN, сын, NN, я — слуга твой,
гнев богини и бога меня постиг,
Неустройство и гибель живут в моем доме,
я зову — и не слышат, я совсем удручен.
Оттого, что ты добр, я пришел к тебе, боже.
Оттого, что прощаешь, ищу я тебя,
оттого, что ты благ, на лик твой гляжу я,
оттого, что ты милостив, я стою пред тобою.
Благосклонно взгляни и услышь мои крики,
твое гневное сердце пускай отойдет,
разреши мою скверну и грех мой очисти,
в твоём сердце, о боже, да утишится гнев.
Гневный бог и богиня да примирятся со мной,
Я возведу твою славу, буду покорен тебе.
Молитва и воздаяние рук Нергалу.

Песня Идин-Дагана, царя Исина

Тебя прославляю я, дева,
тебя величаю я песней!
Масло, плоды, молоко,
семь пирожков испеченных
я тебе ставлю
на стол Страны;
черное пиво
я наливаю,
светлое пиво,
я наливаю,
черное пиво,
пиво улушин,
моей царице—
пиво улушин,
веселящее сердце,
создающее песни,
с благодарной молитвой
я тебе приношу;
чтобы ты примирилась,

мед, и сливки, и пиво
я тебе приношу,
чтобы ты ублажилась,
мед, и сливки, и пиво
я тебе приношу;
пироги, мед и сливки
я тебе приношу,
белопенное пиво
я тебе приношу,
мед и пенное пиво
я тебе приношу,—
чтобы бог к человеку
разделить возлиянье
поспешил подойти.
Тебя прославляю я, дева,
Тебя величаю я песней.
Царицу небес и земли,
мою госпожу я пою;
пред моею святою богиней,
пред лицом ее я веселюсь.

Госпожа, вознесенная в небе,
о владычица, ты велика!
О прекрасная дева небес,
лишь тебе достоин обожанье,
госпожа, вознесенная в небе,
о владычица, ты велика.

.....

В храме матери Нинни,
в первом храме Страны,
в храме бурного А,
перед кем преклонились
в страхе люди страны
уготовил я место
для царицы царей,
уготовил жилище
для царицы богов,
назначающей судьбы
чужестранных земель,
возвышающей сильных,
просветляющей дух,

отдающей веленья
до скончанья веков.
Первый день новолетья,
в день решенья судьбы,
я содеял
травы уму и бур,
порожденье леса,
лен и мясо ягненка
я сожег для нее.

Мардук

Мощный, пресветлый царь Эреду,
славный, великий первенец Эа,
яростный Мардук, радость Э-енгуры,
царь Эсагила, мощь Вавилона, хранитель эзиды,
душеспаситель, князь Эмахтилы, жизнедаритель.

Из книги «Злые духи»

Злой дух, злой демон, злой призрак,
злой черт, злой бог, злой бес,
все эти злые,—

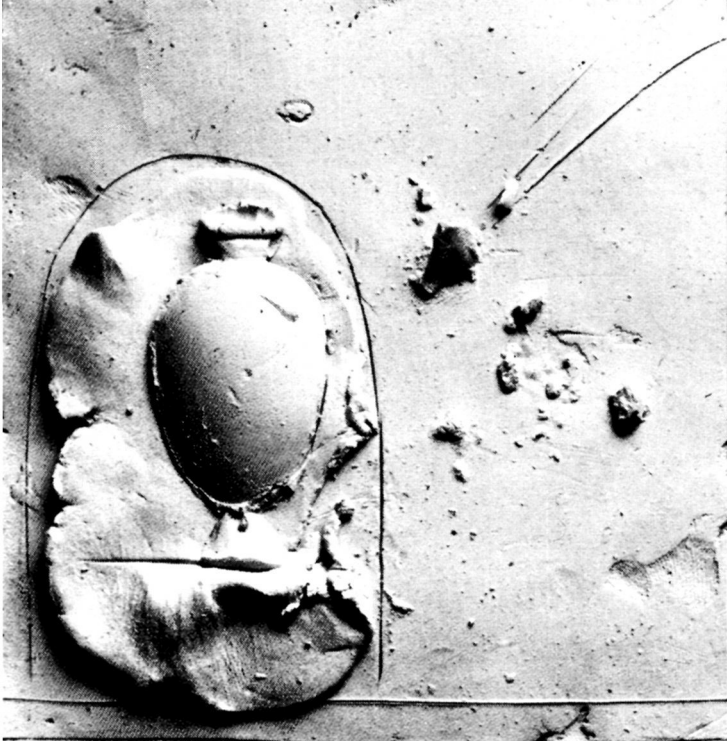
да не коснутся
моего тела,
да не свирепствуют
передо мною,
да не ступают
следом за мною,
да не проникнут
они в мой дом,
да не сломают
мою ограду,
да не проникнут
в мое жилище.

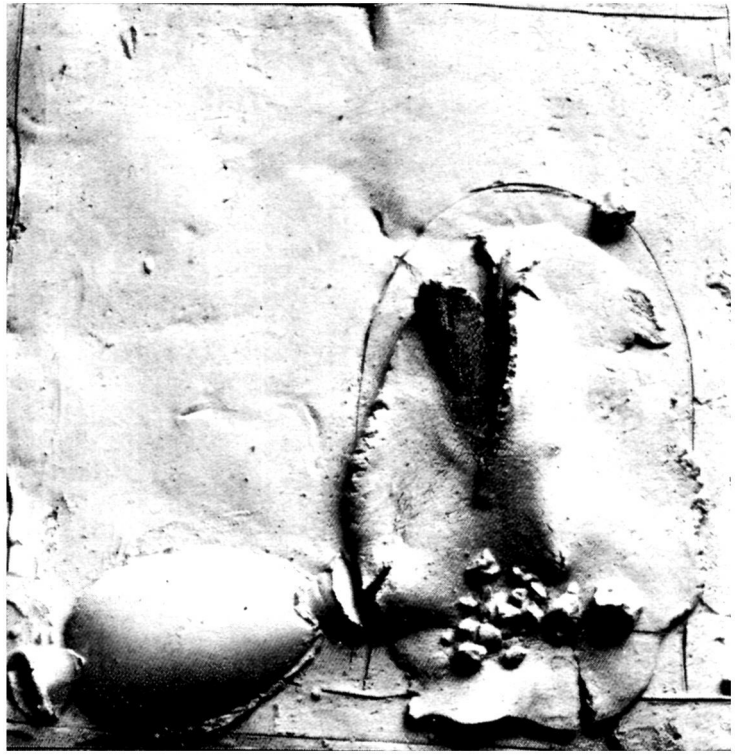
Небом будь заклят,
землей будь заклят.

Молитва против злых духов

* * *

Злобные бесы
все они, все.
Из Преисподней
все они вышли,
послы Энлиля,
владыки земель;
злой дух, в пустыне
разящий живых,
злой демон, как платье
облекающий плоть,
злой призрак, злой черт,
сокрушающий тело,
Лабарту, Лабасу,
несущие немощь,
ночной Лилу,
бродящий в пустыне,—
все они одолели
человека в пути,

скорбь и болезнь
принесли его плоти,
злая зараза
стряслась с его плотью,
злую отраву
принесли его плоти,
злое заклятье
стряслось с его плотью,
злодейство и грех
принесли его плоти,
отравленье и зло
учинили над ним,
зло учинили над ним;
дурной человек,
дурное око,
дурные уста,
дурной язык,
дурное заклятье,
дурная чара,
волхвованье и всякое зло,

овладевшее плотью больного,
волшебство и злодейство,
замкнувшее рот,
чарование злое,
что связало язык,—
на широкой дороге
человека постигли.
Я—человек
великого Эа,
я—человек
великой Дамкины,
я—провозвестник
бога Мардука.
Чтобы вернуть
болящего к жизни,
Эа великий
меня послал;
свою чистую чару
дал он мне чарой,
свое чистое слово

дал он мне словом,
свою чистую влагу
дал он мне влагой,
свою чистую волю
дал он мне волей.
Сокрушители членов,
одолевшие плоть,—
по волшебному слову
великого За
все эти злые
пусть удалятся.
Тамариск, оружие Ану,
я подымаю в руке.
Боже Урука,
защитник Куллаба,
в жизнь и во здравие
следуй за мною.
Благостный демон
да следует справа,
благостный дух

да следует слева.
Нин-Анна высокая,
писец преисподней
святое заклятье
предо мной да читает,
Нингирсу, владыкой меча
да будешь ты зачат.
Злой дух, злой демон, злой призрак,
злой черт, злой бог, злой бес,
все эти злые,—
да не коснутся
моего тела,
да не свирепствуют
передо мною,
да не проникнут
они в мой дом,
да не сломают
мою ограду,
да не проникнут
в мое жилище.

Небом будь заклят,
землей будь заклят.
Молитва против злых духов

* * *

Семеро их,
семеро их.
В глубине океана
семеро их,
яростных в небе
семеро их.
Взросли они в доме
в глубине океана,
не мужчины они,
и не жены они,
ветры они,
бродящие в саду,
жен не имеют,
детей не рожают,
ни прощенья они,

Ассиро-вавилонская поэзия

ни пощады не знают,
ни молитвам они,
ни мольбам не внимают,
словно кони, они
вырастают в горах,
разбойники Эа,
посланцы богов,
что стоят на дороге,
помрачая пути.

Злые они,
злые они.

Семеро их,
семеро их, дважды семеро,
дважды семеро их.

Клятвою неба
будьте вы закланы,
клятвой земли
будьте вы закланы.

Молитва против злых духов

Предсказания по рождениям

Если женщина
забеременеет
и зародыш заплачет,—
эта страна
увидит беду.

Если женщина
забеременеет
и в ней зародыш
вслух закричит,—
сильный враг нападет
и разграбит страну,
в этой стране
разорение будет,
ее богатства
враг унесет;
дом человека
будет разрушен.

Если у женщины
родится лев,—

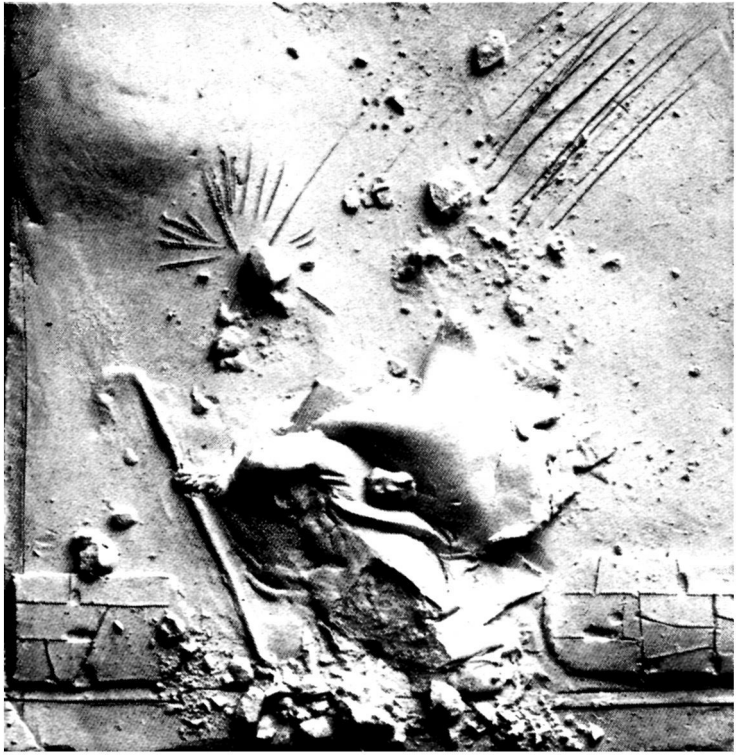
город тот будет взят,
царь тот будет пленен.

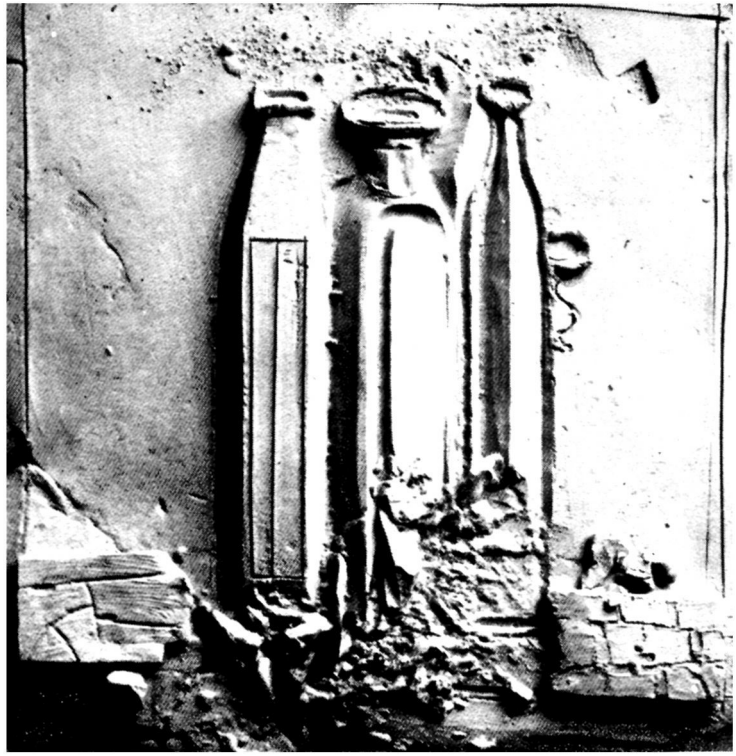
Если у женщины
родится собака,—
глава дома умрет,
дом тот будет разрушен,
в стране будет смута,
небо померкнет.

Если у женщины
родится свинья,—
на трон страны
женщина вступит.

Если у женщины
родится бык,—
властитель вселенной
будет в стране.

Если у женщины
родится осел,—
властитель вселенной
будет в стране.

Если у женщины
родится баран,—
властитель страны
не изведает равных.

Если у женщины
родится овца,—
властитель страны
не изведает равных.

Если у женщины
родится змея,—
дом человека
узнает печаль.

Если у женщины
родится рыба,—
годы царя
будут спокойны.

Если у женщины
случится выкидыш,—
царя страны
постигнет беда.

Если у женщины
случится выкидыш
и в этом ребенке
будет второй,—
царь и его дети
лишатся власти.

Если у женщины
родится глина,—
страна возмутится
против царя.

Если женщина
зачнет от глины
и родит глину,—
будет несчастье,
мать закроет
перед дочерью двери,
дружбы не будет,
человек тот погибнет,
урожай не поспеет.

Из ритуала для прорицателей

Если рыжие и черные муравьи
появятся в доме человека,—
жена человека или
хозяин дома умрет.

Если черные муравьи
появятся в доме человека,—
хозяин дома погибнет,
сбор и дорога.

Если крылатые черные муравьи
появятся в доме человека,—
этот дом распадется,
сын в нем умрет.

Если малые черные муравьи,
имеющие крылья,
появятся в доме человека,—
сын человека умрет.

Если рыжие и черные муравьи,
имеющие крылья,
появятся в доме человека,

жена человека умрет,
его дом разорится.
Если пестрые черные муравьи
появятся в доме человека,—
хозяин дома умрет.
Если черно-желтые муравьи
появятся в доме человека,—
случится несчастье,
дом этот будет разрушен.
Если белые муравьи
появятся в доме человека,—
дом этот будет разрушен
и распадется.
Если большие белые муравьи,
имеющие крылья,
появятся в доме человека,—
этот дом разорится.
Если белые и рыжие муравьи
появятся в доме человека,—
дом этот будет разрушен.

- Если белые и рыжие муравьи,
малые ростом,
появятся в доме человека,—
в будущих днях
дом этот будет разрушен.
- Если малые белые муравьи
появятся в доме человека,—
случится несчастье,
дом этот будет разрушен
и распадется.
- Если желтые муравьи
появятся в доме человека,—
случится несчастье,
дом этот будет разрушен,
хозяин не преуспеет.
- Если желтые муравьи,
имеющие крылья,
появляются в доме человека,—
хозяин дома умрет,
этот дом разорится.

Если черные муравьи
в доме человека
будут убивать рыжих,—
благодетельный сон
посетит этот дом.

Если рыжие муравьи
в доме человека
будут убивать черных,—
этот дом
не будет иметь.

Если белые муравьи
в доме человека
будут убивать рыжих,—
голос усопшего
послышится в доме человека,
гроб в этом доме
не

Покаянные псалмы

1

Кающийся:

Преклонение лика всех живущих созданий,
я, слуга твой, тебя, воздыхая, зову.
Ты приемлешь признанья ото всех, кто виновен,
на кого ты ни взглянешь — тот становится жив,
о Владычица мира, госпожа человеков,
милосердая, с благостным ликом, ты приемлешь мольбы.

Жрец:

Если бог и богиня гневны, он тебя призывает,
обрати к нему лик свой и возьми его руку.

Кающийся:

Нет помимо тебя путеводного бога,
благосклонно взгляни и прими мои вздохи,
изреки мне пощаду, да утихнет твой дух.
Госпожа моя, долго ль отвращен будет лик твой?
Я стенаю, как голубь, я пресыщен слезами.

Жрец:

В криках «уа!» и «ах» изнывает от жалоб.

II

Жрец:

Средь вздохов живет он,
среди горестных криков, в утешении сердца,
среди горького плача, среди горьких вздохов,
будто голубь он стонет день и ночь без конца.
К милосердному богу он взывает, как телка,
издает он мучительный стон.

Перед богом с молитвой преклоняет он лик свой,
плачет он: подойди, не оставь!

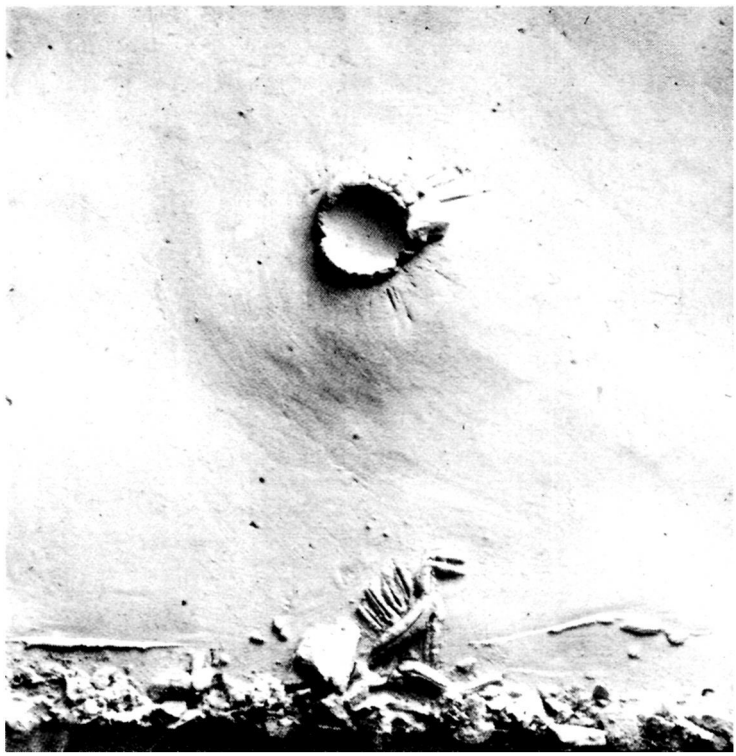
Кающийся:

Я скажу тебе дело, несказанное дело,
я поведаю слово, неповторимое слово.
Боже мой, я скажу тебе дело, несказанное дело,
боже мой, я поведаю слово, неповторимое слово.

III

Жрец:

Разорви его цепи, сними оковы,
развяжи его узы, сойди в его мрак.

Болезни и скорби, тоска и унынье
одолели его, самый вздох его слаб,
нищета и боязнь, утеснение и ужас
поразили его, заглушив его плач.
Согрешил он и горько плачет он пред тобою,
его дух помрачился, он дрожит пред тобой;
утеснен он и слезы проливает, как туча,
пересилен он горем
словно мечет он крики,
он покорно взмолился к тебе.
Что сказал, что задумал твой слуга, о владыка?
Пусть уста его молвят неизвестное мне.

Кающийся:

Велика моя скверна, я грешил постоянно,
пусть уйдет мое горе, пусть сокроется в степь.
Велика моя скверна, я грешил постоянно,
пусть уйдет мое горе, пусть сокроется в степь.

Жрец:

Твоей яростной волей связаны его руки,
он тебя и признал бы, да ведь знать не дано;

с тобой говорит он в молитвах,
по речению Эа да утихнет твой гнев;
снизойди к его искренним вздохам,
«Пощади и помилуй»,— говорит он тебе;
погляди на его утеснение,
успокой свое сердце, смилостивься к нему,
возьми его руку, разреши его скверну,
уведи его скорбь и тоску от него;
в воротах смерти лежит слуга твой,—
отведи свою ярость,
Развяжи его узы, развяжи его цепи,
просвети его лик, его богу его поручи.
Даруй жизнь, чтобы раб твой превознес твою силу,
чтоб тебя восхваляли между всеми людьми.
Прими его дар, прими его выкуп,
на блаженной земле пусть он служит тебе;
изобильной щедротой пусть снабдит он алтарь твой,
да наполнится ею твой храм;
елей на засовы да прольет он как воду,
изобильным елеем да покроет порог;

Покаянные псалмы

да подаст тебе кедровых смол он,
благовоний славнейших, зерна.
Погляди, о владыка, как вздыхает слуга твой,
провей дуновеньем, отпусти его вдруг,
усмири свою тяжкую ярость,
сними с него цепи, чтобы он отдохнул,
развяжи его узы, разорви его цепи,
. погляди и спаси.

Примечания

В настоящее издание включены избранные стихотворные переводы В. К. Шилейко, сохранившиеся в его архиве. Основная часть переводов была завершена к 1920 г. (см. послесловие), но работа над некоторыми из них могла продолжаться и позднее.

Нинни и Думузи—свободное (но местами передающее силу подлинника лучше, чем последующие переводы) переложение известной с середины 10-х гг. части шумерского текста мифа о боге-пастухе Думузи и его супруге богине Инанне; значительная часть мифа была напечатана только в год смерти Шилейко, см. об истории изучения текста и его возможных толкованиях: Крамер С. Мифология Шумера и Аккада//Мифологии древнего мира/Пер. с англ. М., 1977, С. 136 и след.

Эанна (шум. Дом небес)—храм бога небес Ану и его дочери Инанны в Уруке.

Дильмун—шумерское название острова Бахрейн в Персидском заливе.

Нергал и Эрешкигаль— поэма о царице подземного царства Эрешкигаль и боге Нергале, который стал ее мужем, известная Шилейко по аккадской версии, сохранившейся в архиве Тель-эль-Амарны (Египет, XIV в. до н. э.). Правильность понимания текста Шилейко подтверждается позднейшими находками других вариантов поэмы.
Намтар— посланец Эрешкигаль.

Эа (Эйя, шум. Энки)— один из главных древнемесопотамских богов. Мутабрику, Шарабду, Рабису, Тирид, Идибту и пр.— перечисление стражей, имена которых означают разного рода напасти и беды.

Гильгамеш— об истории перевода см. вступ. статью, послесловие.

Таммуз— вавилонская форма имени Думузи.

Птичка аллалу— птице-символу Иштар Шилейко посвятил специальную работу (см. послесловие).

Анту— богиня, жена Ану.

Забани— старое прочтение имени Энкиду, друга Гильгамеша.

Вознесение Иштар— как показал Шилейко в своих работах по вавилонской астрономии и астрологии, Иштар как богиня планеты Венера перенимает в вавилонской традиции функции, ранее при-

надлежавшие «праматери Тиамат» (последнее еще видно в «Энума Элиш» — «Когда вверху», космогонической поэме).

Эллиль (шум. Энлиль) — верховный владыка воздуха, один из трех главных богов вавилонского пантеона.

Син — бог луны.

Шамаш — бог солнца.

Адапа — один из «семи мудрецов» аккадской мифологии. Переведенный Шилейко миф (см.: Крамер С. Указ. соч. С. 151—152) сохранился в поздних копиях в Тель-эль-Амарне и Вавилоне.

Эреду (Эриду) — культовый город бога Эйи.

Ауннаки — группа древнемесопотамских земных и подземных божеств.

Гишзида (Нин) — божество подземного мира.

Зу (Анзу) — мифологическая птица (орел) (см. послесловие).

Бел (аккад. «Владыка») — общее название верховного бога.

Дуранки (шум. «Связь небес и земли») — главная часть храма Энлиля.

Адад — бог грома.

Нинме(на)нна — богиня родов.

Молитва и воздаяние рук Нергалу—заглавие (колофон) текста в месопотамской традиции следует за концом текста после горизонтальной черты.

Ис(с)ин—месопотамский город, в начале II тыс. до н. э. столица отдельного государства, где официальным языком оставался шумерский; на нем написан и переведенный Шилейко текст молитвы Нинни (Инанне), составленный царем Идин-Даганом.

Э-енгура—храм бога Эйи в Эреду (и Уре).

Эсагил(а)—храм бога Мардука (главного бога) в Вавилоне.

Эматхила—храм в Вавилоне.

Лабарту, Лабасу, Лилу—имена вавилонских демонов, вера в которых составляла одну из характерных черт вавилонской религии.

Дамкина—богиня, жена Эйи, мать Мардука.

Нингирсу (шум. «владыка Гирсу»)—шумерское божество, возможно, ипостась Нинурты.

Предсказания по рождениям—популярная в вавилонской литературе форма гаданий, где предполагаются крайне маловероятные события, логически выводимые из других маловероятных или невозможных. Шилейко перевел очень большое число текстов

этого жанра, в недавнее время вновь привлечшего к себе внимание исследователей.

Из ритуала для прорицателей— Шилейко перевел образцы разных текстов гаданий, специфичных для вавилонской литературы.

Покаянные псалмы— особый жанр древнемесопотамской литературы, весьма важный для сопоставления с ветхозаветной традицией.

Приложение

Стихотворения 1914—1919 гг.

На Васильевском славном острове...

Здесь мне миров наобещают,
Здесь каждый сильный мне знаком,—
И небожители вещают
Обыкновенным языком.

Степенный бог проведать друга
Приходит здесь: поклон, привет—
И поднимаются в ответ
Слова, как снеговая вьюга.

1914

Иов. II, 9

Ничего не просил у Бога:
Знал, что Бог ничего не даст.

Только пристально так и строго
Все смотрел на красный закат.

За спиной жена говорила:
«Что ты смотришь так? Что стоишь?
Похули Господне Имя
И с закатом, с темным, умри».

Не хотел. И был без надежды.
И опять не хотел—не мог.
А холодная ночь одежды
Уронила на мокрый песок.

Муза

Ты поднимаешься опять
На покаянные ступени
Пред Сердцем Бога развязать
Тяготы мнимых преступлений.

Твои закрытые глаза
Унесены за край земного,
И на губах горит гроза
Еще не найденного слова.

И долго медлишь так, мертва...
Но в вещем свете, в светлом дыме
Окоченелые слова
Становятся опять живыми,

И я внимаю, не дыша,
Как в сердце трепет вырастает,
Как в этот белый мир душа
На мягких крыльях улетает.

* * *

Как орлиные крылья, раскрылся Коран,
Завернувшийся в Луны поклялся о Боге —
И душа ужасалась на страшном пороге,
И душа трепетала от пламенных ран.

Но упавшее солнце молило чудес,
И дрожащая птица в упорном усилье
Забивалася в травы от грозных небес,
Где раскрылись, как книга, орлиные крылья.

Суббота

Я думал: все осталось сзади,
Круги бессмысленных планет,
Страницы порванных тетрадей,
Я верил: будущего нет.

Я так темно и слепо верил,
Так обручил себя судьбе,
Сказал обет и запер двери,
А ключ, Господь, вручил Тебе.

Ты видел все мои года
За Книгою о Беспредельном,

Все ночи страшного труда,
Все слезы о труде бесцельном;

Господь, Ты знаешь, сколько раз
В моих дверях таился кто-то,
Я верил: не придет Суббота,
И не отвел от книги глаз.

Так верил. Но она пришла,
И было это так: весь вечер
Над Иовом я теплил свечи
И пел священные слова,

И вдруг забыл последний стих,
И вот упал в крови и в поте,
Вот в криках бился, вот жених,—
Жених во сретенье Субботе!..

Безумие поет, звеня
Неистовыми голосами.

Теперь конец. Убей меня
Неумолимыми глазами.

* * *

Delirium

Еще не порываю нить,
Меня скрепляющую с вами,
Еще умею говорить
Обыкновенными словами.

Но чувствую уже недуг,
Уже речам внимаю странно,—
И непонятно, бездыханно
Глаза остановил испуг.

* * *

Живу томительно и трудно,
И устаю, и пью вино,
Но, посещен судьбиной чудной,
Люблю сурово и давно.

И мнится мне, что, однодумный,
В подстерегающую сень

Я унесу июльский день
И память женщины безумной.

1914

Петербург

* * *

Еще болезненно свежа
Была печаль ночной разлуки,
Еще высокая душа
Дрожала в напряженной муке—

И чудно все в словах слилось,
И через время помертвельный
И горький голос их понес,
Как ветер смерти носит стрелы.

* * *

Пора, пора, о чем жалеть?
Последний год судьба гадает.
А я люблю еще глядеть,

Как в небе хмурый облак тает.
И на стемневшем берегу
Люблю прибоя шум унылый,—
От рубежа чужбины милой
Все оторваться не могу.

* * *

Увял, увял цветущий мир,—
О вы, осенние метели,
Скажите струнам гневных лир,
Какие розы облетели!
О только, сердце, помни ты
В том внешнем небе, в синей буре
Неповторимые цветы,
Стократ бездоннее лазури!

* * *

Да, наша слава — не бывшее,
Не прах засохшего венца:
Жив полубог, живут герои,
Но нету вещего певца.

И тех глубокодушных нету,
Кто голос лиры понимал,
Кто музу, певшую до свету,
Как дар небесный принимал.

* * *

В ожесточенные години
Последним звуком высоты,
Короткой песней лебединой,
Одной звездой осталась ты.

Над ядом губельного кубка,
Созвучна горестной судьбе,
Осталась ты, моя голубка,
Да он, грустящий по тебе.

* * *

Над мраком смерти обоюдной
Есть говор памяти времен,
Есть рокот славы правосудной,
Могучий гул; но дремлет он

Не в ослепление броней медных,
А в синем сумраке гробниц,
Не в клетоте знамен победных,
А в слабом шелесте страниц.

* * *

В. Е. Гиацинтову

Легка последняя ступень
И в седилах печаль светлее,
И вдохновенно блещет день
На смуглом золоте аллеи.

И улыбаясь синеве,
И веселясь яркой тризне,
Внимаю в вянущей листве
Священный трепет древа жизни.

* * *

Скажи, видала ль ненароком
На склоне года, в поздний день
Пернатой Прокны над потоком
Неуспокоенную тень?

То долу вдруг она слетая
Узоры пишет в быстрине,
Как бы к литейской припадая
Кипящей холодом волне.

То в непонятном страхе взмает
У небывалой вдруг меты—
И в самом сердце высоты
Крыла печальные раскроет.

Так отдан малый прах земной
Небес чудовищному бреду,
Так ад скучает надо мной
Торжествовать свою победу.

(Суханово.— Я шел от Вас, и ласточка
летела над водой)

Примечания

Все стихи В. К. Шилейко, для которых не оговорен источник прижизненной публикации, даются по архивным текстам.

Здесь мне миров наобещают...—Тринадцать поэтов: Сб. Пг., 1917, с. 31.

Иов. II, 9 (Ничего не просил я у Бога...)—Гиперборей, 1913, № 9—10, с. 39; Северная звезда, 1915, № 11, с. 16.

Муза (Ты поднимаешься опять...)—Аполлон, 1914, № 6—7, с. 11; Северные цветы, 1915, № 9, с. 57; в архивном экземпляре есть и заглавие «Вдохновение».

Как орлиные крылья... (Арабески. III)—Аполлон, 1915, № 10, с. 43.

Суббота—Гиперборей, 1913, № 9—10, с. 40—41; Северные цветы, 1915, № 11, с. 35—36.

Еще не порываю нить...—заглавие *Delirium* (лат. «бред»).

Пора, пора, о чем жалеть?...—Сирена, 1918, № 2—3, стб. 15—16.

Увял, увял цветущий мир...—Сирена, 1918, № 2—3, стб. 19—20.

Да, наша слава — не бывшее...—Сирена, 1919, № 4—5, стб. 19—20.

В ожесточенные годы...—Сирена, 1919, № 4—5, стб. 19—20.

Над мраком смерти обоюдной...—Сирена, 1919, № 4—5, стб. 19—20.

Вяч. Вс. Иванов

Одетый одеждою крыльев

(О переводчице В. К. Шилейко)

Когда ученый и поэт Владимир Казимирович Шилейко умер в Москве 5 октября 1930 г., ему не было еще сорока лет.

Остается загадкой, почему крупные поэты и вообще люди, вносящие осязаемый вклад в культуру, появляются большей частью не поодиночке, а созвездиями. Вокруг Шилейко, рядом с ним и по рождению (1891 г.), и по биографии, и по журналам и сборникам десятых годов столько имен, сейчас уже звучащих громко, что не хотелось бы поддаться заманчивому соблазну их перечисления. То было время невиданного взлета русской культуры во всех областях без исключения. Творчеству Шилейко суждено было стать одним из самых застенчивых ее проявлений, которому мы начинаем удивляться позднее, чем другим. Нам только сейчас начинает приоткрываться значимость им сделанного.

Как многие самые одаренные люди того поколения, словно торопясь перед началом бурь и потрясений века, Шилейко стал

всерьез заниматься наукой очень рано. Еще учась в классической гимназии, он приобрел глубокие познания в античной (как и в новой европейской) литературе и прочитал в подлинниках основных ее авторов. Гимназистом он начинает и свои занятия Востоком и вскоре уже переписывается как равный с крупнейшими востоковедами Европы. В бытность свою студентом факультета восточных языков Петербургского университета он не только изучает шумерский, семитские, египетский, коптский языки, но и начинает подготавливать и печатать древневосточные тексты из русских собраний— аккадское письмо вавилонского царя Хаммурапи из коллекции Эрмитажа, шестигранную призму Лугальшумгалья с учебными шумерскими надписями, тогда находившуюся в богатейшем собрании Н. П. Лихачева, многочисленные клинописные документы которого Шилейко опубликует в последующие годы. В «Новом энциклопедическом словаре», отразившем рост научных сил России в те годы, Шилейко, только учившийся в университете, печатает большую статью «Вавилония», где впервые излагает свои взгляды на историю и культуру древней Месопотамии. По окончании университета он подготавливает обширный труд по истории Шумера, включающий публикации многочисленных текстов из

отечественных собраний*. Многие из оригинальных выводов труда были спустя несколько десятилетий приняты и развиты историками-шумерологами.

Впечатляет написанная в те же годы энциклопедическая статья Шилейко об истории клинописи, иллюстрированная подборкой впервые публикуемых документов, в том числе одной из самых ранних табличек, написанной протошумерским рисуночным (пиктографическим) письмом**; все последующие неоднократные опыты истолкования этой таблички повторяют и продолжают им сказанное. О том, как далеко в будущее (и одновременно в прошлое) он заглядывал, можно судить по самым новым удавшимся попыткам чтения подобных архаических табличек, осуществленным в последние годы.

* Шилейко Вл. К. Вотивные надписи шумерских правителей. Пг., 1915 (судя по ссылке в его же анонимной статье Гудеа // Новый энциклопедический словарь, в дальнейшем энц. Т. 15, С. 227. Книга должна была выйти уже в 1913 г., но задержалась; в каждом томе этого издания Шилейко назван в списке его сотрудников, к числу напечатанных там же примыкающих к тематике книги анонимных его статей следует отнести и Ларса // энц. Т. 24, С. 82).

** Шилейко В. К. // энц. Т. 21, С. 894, отдельная вклейка: Объяснения к таблицам «Клинопись», рис. 1а и в.

В 1914—1915 гг. Шилейко подготавливает и печатает разборы клинописных текстов, существенные для понимания экономики Древнего Востока*. Вспоминая спустя почти полвека об этом «исследовании, на которое не было, к сожалению, обращено внимания ни у нас, ни за рубежом»**, самый крупный наш специалист по истории Древнего Востока акад. В. В. Струве отмечал, что Шилейко первым указал на значение данных, относящихся к торговым агентам — тамкарам в документах хозяйственной отчетности из храма богини Баба. Сделанный в той же работе Шилейко вывод о древности серебряной валюты приобрел особое значение для истории не только Шумера, но и всей Передней Азии в свете открытых в последние годы табличек из архива северносирийского города Эблы и археологических находок в центрах металлургии серебра в Эгейском море — на Кикладских островах. Для изучения экономики Шумера существенны и переводы двух клинописных

* Шилейко В. К. Из Лихачевского собрания // Сб. статей в честь гр. П. С. Уваровой. М., 1916, С. 284—300.

** Струве В. В. Государство Лагаш XXV—XXIV вв. до н. э. М., 1961, С. 79, примеч. 167, ср. С. 27.

таблеток середины III тыс. до н. э., напечатанные Шилейко в следующем году*.

Работы Шилейко по клинописи свидетельствуют и о его незаурядном графическом таланте, сказавшемся в переписывании табличек и перечерчивании изображений на них (в том числе художественных). Специалисты по клинописи, если они не имеют доступа к оригиналам (разбросанным по музеям всего мира), пользуются до настоящего времени не столько фотографиями, на которых знаки, выдавленные некогда писцом на глине (потом обжигавшейся), не всегда хорошо видны, сколько копиями (автографиями). Их делают с соблюдением всех особенностей почерка писца и пространственно-временной разновидности клинописи, менявшейся по мере ее многотысячелетнего распространения по Передней Азии. То, как виртуозно передавал Шилейко в своих копиях особенности разных вариантов клинописи, показывает, в частности, его статья, объединяющая несколько клинописных

* Шилейко В. К. Две досаргоновские таблички в Московском музее изящных искусств // Сб. в честь В. К. Мальберта. М., 1917, С. 87—91.

текстов разных эпох* (а также составленное им в последние годы жизни рукописное описание табличек московского Музея изобразительных искусств им. Пушкина).

Переводы «Гильгамеша» и других основных текстов аккадской поэзии, известных к тому времени, были закончены в 1920 г., когда Шилейко подготовил для основанного Горьким издательства «Всемирная литература» целый том «Ассирио-вавилонский эпос». Тогда оставалось написать только предисловие к некоторым из текстов**. В 1922—1924 гг. в журнале «Восток», выходившем в том же издательстве, были опубликованы выполненные Шилейко отдельные переложения сравнительно небольших произведений вавилонской поэзии с его предисловиями***. Но весь том не был издан до того, как в 1925 г. издания «Всемирной литературы»

* Шилейко В. К. Ассириологические заметки Зап. Вост. отд. Рус. Археол. о-ва. Пг., 1921, Т. 25, С. 133—144.

** Алексеев В. М. Наука о Востоке: Статьи и документы. М., 1982, с. 252, 421.

*** Из поэзии Вавилона: 1. Молитва. 2. Сошествие Иштар / Пер. и вступ. статья проф. В. К. Шилейко.— Восток, 1922, Кн. 1, С. 7—14 (в этой же книге напечатана статья Шилейко «Родная старина»). Из книги Edinna Usagga—Орел и змея /Пер. и вступ. статья В. К. Шилейко.— Восток, 1924, Кн. 4, С. 21—27.

прекратились. Уже после смерти Шилейко предполагался выпуск книги его переводов в издательстве «Academia» *, но и это издание не состоялось. Отдельные стихотворные заклинания из собрания Шилейко были впервые опубликованы (а часть их переиздана) лишь в 1973 г.**; повторно в 1981 и 1983 гг. Некоторые ранее не издававшиеся переводы (в том числе и фрагмент «Гильгамеша») включены в настоящую книгу. Но тем не менее все те годы, которые отделяют время работы Шилейко над русскими текстами от предлагаемого издания, они продолжали оказывать воздействие на изучение нашими ассириологами вавилонской и ассирийской литературы; как показывают архивные материалы, их использовали в преподавании; в неизменном или отчасти переработанном виде отдельные находки Шилейко или целые части его переложений включались в публиковавшиеся переводы, где учитывались и позднейшие многочисленные открытия новых оригинальных текстов, вариантов и фрагментов, а также и новые достижения

* Издательство «Academia»: Каталог изданий 1929—1933 гг. С приложением плана изданий на трехлетие (1933—1935). М.; Л., 1932. С. 54.

** Пoesия и проза Древнего Востока. М., 1973. С. 221—224 (БВЛ). См. также выше примеч. С. 134.

мировой науки, продолжавшей исследовать «Гильгамеша». Судьба перевода «Гильгамеша» Шилейко и его последующих переработок в чем-то оказывается сходной с предположенной им историей самого оригинала: достижения первоначального рапсода или автора с трудом уже выделяются из-за всех позднейших напластований (не обязательно всегда ведущих к улучшению поэтических достоинств текста).

Несмотря на достигнутые в мировой ассириологии за 60 с лишним лет (срок для современной науки громадный) успехи в изучении «Гильгамеша» и других текстов, когда-то переведенных Шилейко, его работа сохраняет непреходящую ценность. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, научная и поэтическая интуиция Шилейко вместе с широким знанием текстов позволяла ему увидеть такие исходные структуры, которые в доступных версиях были повреждены или неясны. Так, во включенном в настоящую книгу переводе VI таблицы «Гильгамеша» вызвавший у многих ассириологов недоумение диалог Гильгамеша с Иштар, набивающейся в супруги герою, прояснен благодаря точному переводу ряда формул, смысл которых позднее повторно был открыт (уже после смерти Шилейко) такими авторитетами, как

Шотт и фон Зоден, ср., напр., у Шилейко: «питье и пищу,/ вино и хлебы, усладу божью,/хмельную брагу, царей усладу» («хлеба или пропитанья..., еда, достойная богов,/ ...напитки, достойные царственности» у Шотта); «Ты — негодная дверь, не держащая ветра» («Черная, или недоделанная, раскрывающаяся дверь» по фон Зодену, «Черная дверь, что не держит ветра и бури» в переводе, обработанном И. М. Дьяконовым*).

Каждый из переводившихся В. К. Шилейко текстов составлял предмет тщательного его анализа. Так, неоднократно потом переиздававшийся текст поэтической молитвы ночным богам, представляющий, как показал с помощью тончайшего палеографического разбора Шилейко, весьма позднюю копию древнего оригинала, послужил темой блистательного этюда**, в котором широко привле-

* Эпос о Гильгамеше («О все видавшем»). М.; Л., 1961, С. 40, 170, 171. (Лит. памятники), ср. о VI таблице в переводе Шилейко там же, с. 133 (целый ряд мест указанного перевода и в этой, и в других таблицах, в том числе в местах, совпадающих с «Сошествием Иштар», почти буквально следует тексту Шилейко не только в ритме, но и в конкретном подборе слов).

** Шилейко В. К. Таблетка с молитвой ночным богам в собрании Лихачева // Изв. Рос. Акад. Истории материальной культуры. Л., 1924, Т. 3, С. 144—152.

каются и различные семитские (арабские, древнееврейские) параллели к разбираемым терминам, и обширные познания в вавилонской науке о звездном небе, одним из лучших знатоков которой становится Шилейко. Такой же айсберг титанической научной работы заключен и в каждом из других переводов.

Другая причина, по которой переводы Шилейко останутся навсегда в русской поэзии, заключается в их исключительно высоких собственно литературных достоинствах. Ему первому удалось найти способ ритмически точной передачи аккадского стиха с помощью русского долника, в котором ведется счет числу ударений, но допускается значительное разнообразие в числе безударных слогов между ударениями. Такой стих был выработан в русской поэзии начала XX в., и здесь Шилейко принадлежит значительное открытие: он первым (а за ним — все последующие переводчики) использовал этот новый в русской поэзии размер в переводах с аккадского. Это максимально приблизило их к ритмам подлинников. Примечательно, что в оригинальных стихах самого Шилейко долники появляются очень редко, причем в стихах с ориентацией на восточный — библейский («Ничего не просил у Бога», включенное в настоящее издание) или мусульманский («Не

живые легли в песках» *) прообраз или же на (подчеркнутую немецким эпиграфом) традицию таких поэтов, как Гейне (отчасти и Гете), чьи ритмические мотивы благодаря дольникам Блока вошли в нашу поэзию («Дай руку мне во сне»).

За приведенными исключениями стихи самого Шилейко написаны размерами преимущественно традиционными, главным образом четырехстопным ямбом. Вообще при сравнении переводов Шилейко с его оригинальными стихами больше всего поражаешься их несходству, тем более примечательному, что написаны они почти одновременно: большинство стихов сложено и опубликовано в 1913—1919 гг., основной корпус переводов закончен к 1920 г. При создании оригинальных стихотворений автор выбирает классическую форму, стилистический диапазон переводов значительно шире. В них были возможны (там, где это отвечало поэтике оригинала) такие вульгаризмы, как в «Жалобах страдальца»:

В моем дерьме ночевал я, как бык,

*Спал, подобно овце, на своих нечистотах**.*

В переводах, но не в стихах самого Шилейко, могут появиться и

* Шилейко В. К. Арабески. II.— Аполлон, 1915, № 10.

** Шилейко В. К. Таблетка с молитвой... С. 149.

«сточные воды». Словарь и круг образов переводов определяется оригиналом. Собственные же стихи Шилейко имели в виду совсем иной, не здесь лежащий «оригинал», они дышат глубочайшим (в том числе — и словесным) отрешением ото всего суетного, внутренним аскетизмом, такую скупостью и сжатостью формы, которая возникает лишь при бездонности и подлинности содержания:

*Хозяин скуп, жнецы ленивы,
А с неба — холод и дожди;
Обречены страстные нивы, —
Ни одного зерна не жди.
И нет мучительней обузы,
Чем всходы вечности, — на миг...
Оставь меня, — без дум, без книг,
Оставь, — беспаятым, без музыки!**

Можно было бы много сказать о том, как в последних двух строках словесно выражена идея отрешения — и в дважды повторяющемся глаголе «оставь», и в три раза повторенном предлоге

* Тринадцать поэтов: Альманах. Пг., 1917, С. 30 (стихотворение датировано 1916 г.).

«без» (при том, что и имена существительные, с ними связанные, в звуковом отношении зеркально повторяют друг друга: «дум» кончается перевернутым созвучием, которым начинаются музы, «мучительней», первое «м» которых откликается и в других словах: «миг», «меня» «беспамятным»), и в приставке «бес» — (в «беспамятным»), совпадающей с предлогом. Стоило бы сказать о постепенном движении излюбленного поэтом ямбического размера от полнударных форм первой строки стихотворения (с цезурой посередине «Хозяин скуп,/ жнецы ленивы») через обычный для классической пушкинской традиции пропуск предпоследнего ударения в следующей строке («А с неба — холод и дожди») к необычному (использующемуся как новый прием во времена Шилейко, но, как многое новое, на самом деле — очень старое, допушкинское) повторяющемуся пропуску первого метрического ударения в началах двух последних строк первой строфы («Обречены» — «Ни одного»), после чего новой музыкальной («гармонической», как сказал бы сам Шилейко) силой наполняются выделенные звуками классические пропуски («мучительней», «беспамятным»), в которых собраны смысловые вершины стихотворения. Но не в подробностях поэтического мастерства сила этой вещи (как и других лучших

стихотворений). Она поражает прежде всего простотой и наглядностью уподобления, как в тех древневосточных притчах, которыми поэт занимался как ученый. Очерченный всего в нескольких словах сельский, до боли знакомый пейзаж становится образом мимолетности озарения (как, добавим уже и мы, всей быстро промелькнувшей жизни ученого и поэта, полной открытий), что передано с трезвой горечью, остротой и подлинностью.

Диву даешься, что совсем еще молодым человеком Шилейко мог написать настолько полные понимания всей сути творческой жизни и вместе с тем подводящие её итог стихи, как «О, этот горький первый том». Не будем верить алгеброй гармонию этого восьмистишья, чтобы найти в нем мотивы, роднящие его с первым из приведенных стихотворений, с тою же сжатой формой, ограниченный простор которой любил Шилейко. За сходством гармонии двух этих восьмистиший звучит общность главной ноты: понимания трагизма, который не навязывается читателю, а доходит до него благодаря музыкальной сдержанности автора. Сам Шилейко не только не дожил до своего первого тома, оказавшегося бы и последним (до нас дошло не больше полусотни его стихов). Предлагаемое выборочное собрание — первое, выходящее отдель-

ной книгой; до того стихи были разбросаны в антологиях, хрестоматиях, журналах.

Тем не менее роль В. К. Шилейко и как поэта, и как ученого-переводчика в русской поэзии начальных десятилетий века теперь оказывается заметной. Для тех, кто не сразу готов в это (как и в другие самоочевидные истины, обычно вызывающие споры) поверить, можно было бы начать приводить явные совпадения отдельных строк хорошо знавших его известных поэтов со строками переводов или статей Шилейко (через него вавилонская генеалогия обнаружится и у кажущейся загадочной мандельштамовской строки «Ассирийские крылья стрекоз»). Но едва ли можно свести значение Шилейко только к тому, что для больших поэтов, рука об руку с которыми он входил в нашу поэзию, он был первооткрывателем манившей их древневосточной дали истоков европейской поэзии. О нем можно было бы с соответствующими видоизменениями повторить когда-то сказанное Мандельштамом в его замечательной статье об Анненском: надр было так хорошо узнать и античную поэзию, и новую западную, чтобы выбрать свой ни на что не похожий путь. Разумеется, в нескольких ранних стихах Шилейко (в эту книгу не включенных) есть естественные следы

ученичества: так, финал одного из них — «На черном кружеве печали»* — ритмически и словесно воспроизводит «На черном бархате постели» в финале одного из лучших стихотворений Анненского, у которого сознательно учились все литературные друзья и единомышленники Шилейко. Но самым значительным и осознанным воздействием (ср. заглавие одного из ранних стихотворений «В манере Тютчева»**) было влияние философской лирики Тютчева. Опять-таки, оно вовсе не свойственно одному только Шилейко; из его сверстников достаточно сослаться хотя бы на Б. Пастернака. Формальные и тематические сходства иных стихотворений Шилейко с тютчевскими послужили недавно предметом серьезных разборов наших филологов***. Возможно, что стоит задуматься над сходством жизненным: едва ли не тверже всех

* Шилейко В. К. Вечерняя песня.— Гиперборей, 1913, № 9—10, С. 39—40; Северная звезда, 1915, № 11, С. 16; стихотворение датировано 22 января 1914 г. Рукопись сохранилась в архиве поэта и переводчика М. Л. Лозинского — одного из наиболее близких Шилейко литераторов — его современников.

** Шилейко В. К. Восьмистишия. // («Кругом не молкнет птичий голос...» — Аполлон, 1915, № 10, С. 46).

*** Гальперин Ю. М. О поэтическом наследии В. К. Шилейко // Материалы XXVII научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингви-

других поэтов (иногда, как тот же Пастернак, к этому тяготевших) Шилейко обдуманно выбрал тютчевский путь писания для самого себя (печатание, пока оно было относительно легким, этому не противоречило) при ясности основного жизненного дела, над которым (но не внутри которого) осуществлялась поэзия.

Среди поэтов, начинавших вместе с Шилейко, воздействие Тютчева, особенно к началу 20-х гг., ощутилее всех испытала на себе А. Ахматова. О взаимоотношении ее поэзии и жизни со стихами и биографией Шилейко писали многие*. Мне самому случилось говорить с Ахматовой о Шилейко; должен свидетельствовать, несколько расходясь с другими мемуаристами, что она рассказывала о нем как о гениальном ученом, с восхищением, вспоминала, что он еще юношей получил открытку от великого французского ассириолога Тюрю-Данжена. Время, проведенное с

стика. Тарту, 1972, С. 77; Топоров В. Н. Две главы из истории поэзии начала века: // В. К. Шилейко (К соотношению поэтики символизма и акмеизма).—Russian literature, 1979, May, VII-VIII (Special issue. Russian symbolism), p. 293.

* Цивьян Т. В. Заметки о дешифровке «Поэмы без героя» // Труды по знаковым системам, V, Тарту, 1971, С. 271; Топоров В. Н. Указ. соч., С. 294—297, 320—323; Жирмунский В. М. Анна Ахматова. Л., 1973, С. 183.

Шилейко, она в этом разговоре измерила десятилетием, что, вероятно, нужно понимать как интервал, прошедший после их знакомства. Кажется возможным предположение, что возрастание сдержанных философских нот в лирике Ахматовой едва ли случайно приходится на конец десятых годов, когда и биографические пути ее скрестились с жизнью Шилейко. О стихах, написанных в те годы Ахматовой, вспоминаешь по сути, когда читаешь такие стихи Шилейко, как «Юродивая» *.

Вероятно, существеннее, чем отдельные несомненные совпадения строк, позднее написанных Ахматовой, с тем немногим, что сохранилось нам от написанного Шилейко, это единство аскетического отшельнического тона, для стихов Шилейко изначально заданного, а у Ахматовой постепенно возобладавшего. Вероятно, в поэтической биографии Ахматовой именно этим и обозначен прежде всего ее длящийся всю жизнь диалог с Шилейко; самим заглавием вавилонского эпоса (в переводе Шилейко называвшегося «Когда вверху») о нем напоминает пьеса «Энума Элиш», написанная Ахматовой в Ташкенте в военные годы (позднее

* Аполлон, 1916, № 3, С. 44; также: Весенний салон поэтов. М., 1918, С. 168.

сожженная), когда эвакуация, приведя ее в Среднюю Азию, оживила воспоминание и о древней ближневосточной поэзии. Мистериальная форма пьесы, где, по рассказам Ахматовой, героиня (автор), преследуемая видениями будущего, оказывается на сцене перед судилищем, вела к исходным обрядовым истокам древневосточного театра.

У самого Шилейко в стихах мы мало найдем непосредственных отзвуков его научных занятий, если не считать «Корана», который он читал по-арабски в годы, когда были написаны его «Арабески», и таких отдельных строк, как «круги бессмысленных планет», где можно уловить связь с его занятиями вавилонской астрологией, или словосочетаний, как «тварь пустынная» (возможный перевод оборота, встречающегося в «Гильгамеше» и других вавилонских текстах). Но сутью своей поэзия Шилейко обращена к древней традиции, к «мудрости древних пословиц»*.

В пору молодости Шилейко этой мудростью делился со своими друзьями. Увлекательной темой для будущего историка нашего востоковедения послужит сложившаяся в годы вечерних сборищ поэтов в кафе «Бродячая собака» дружба Шилейко с его

* Восьмистишия. III.—Аполлон, 1915, № 10, С. 46.

сверстником—нашим великим исследователем Дальнего Востока Н. А. Невским*. В открытке, посланной Шилейко в 1927 г., Невский писал: «Нажмите на кнопку ларца воспоминаний и вы ясно увидите свою собственную фигуру, декламирующую мне „Субботу“, посвящающую меня в тайны ассиро-вавилонской и египетской мудрости, увидите себя вместе со мной в „Собаке“ или за кружкой пива в какой-нибудь пивной, где вы пишете стихи ночной фее»**. Шилейко читал Невскому свои стихи и рассказывал ему о предмете своих занятий. Интересно, что позднее Невский на своем материале займется темами, близкими к работам Шилейко: культом небесных светил у тангутов, который он изучает в связи с астрологией у древних народов мира.

Время, для Шилейко бывшее особенно продуктивным в поэзии, ознаменовалось и вышеописанными первыми его шагами в шумерологии и ассириологии. В то время он был «savant privé» (фр. «частный ученый»), как писал он в начале 1917 г. в письме из

* О Невском, Шилейко и «Бродячей собаке» см.: Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки».—Пам. культуры. Ежегодник 1983. М., 1985, С. 190, 221, 222.

** Открытка, датированная 8.X.1927. Архив Гос. Музея изобр. иск-в им. Пушкина, ф. № 5, колл. 20.

армии (где он пробыл в запасном полку с января по август 1917 г.) своему учителю Б. А. Тураеву. Вскоре начинается для него время бурной и разнообразной исследовательской и преподавательской деятельности в нескольких учреждениях: с 1918 г.— ассистент Эрмитажа (где до того 5 лет работал «сверх штата»), с 1919 г. он заведует разрядом археологии и искусства Древнего Востока Российской академии истории материальной культуры*, в которую выбран академиком; там вместе с ним работают ученые, не раз позднее в своих трудах вспоминаявшие с благодарностью о беседах с ним,— В. В. Струве и И. Г. Франк-Каменецкий (из статей последнего мы узнаем, что Шилейко был против принятого в то время в египтологии объяснения фактов ранней египетской религии противопоставлением местных богов космическому богу**, а также обсуждал смысловое тождество мифа о Думузи и Аснамире в «Сошествии Иштар»***). Многие другие предметы научных занятий

* Востоковедение в Петрограде 1918—1922: Памятка коллегии востоковедов при Азиатском музее Рос. акад. наук. Пг., 1923, С. 10, 12, 31.

** Франк-Каменецкий И. Г. Вода и огонь в библейской поэзии // Яфетический сборник 1924. М.; Л., 1925, С. 159, примеч. 1.

*** Франк-Каменецкий И. Г. Итоги коллективной работы над сюжетом Тристана и Изольды. Л., 1932, С. 275, примеч. 1 (Труды Ин-та языка и мышления II).

Шилейко в те годы мы знаем только по названиям прочитанных им докладов: «Ласточка Иштар», «Голубка Иштар» (образ, существенный для понимания переведенного Шилейко «Сошествия Иштар»; роль древнесемитского мифа, где Иштар-Астарты оборачивается птицей, проявилась благодаря позднейшим открытиям текстов из Рас Шамры—Угарита и Богазкея—Хаттусы); «Псалом Иштар», «Мужья Иштар», «Значение муки в поэме о Гильгамеше», «E1—имя солнечного бога» (судя по упоминанию в одной из более поздних статей*, Шилейко полагал, что употребление *аккад.* *ilum*—бог в астрологических текстах, в конкретном значении небесное светило—луна, планета отражало первоначальный смысл слова). При всей широте историко-мифологической проблематики этих докладов, тексты которых до нас не дошли (или еще не найдены), географически они замкнуты границами месопотамской традиции. В публикациях этого времени Шилейко выходит далеко за ее пределы. В январе 1917 г. он пишет статью о незадолго до того найденном фрагменте аккадского текста договора между хеттским царем Хаттусилисом III и египетским фараоном Рамсесом II. В ней

* Шилейко В. К. Прогнозы по движению луны из времени первой династии Вавилона.— Докл. АН СССР, 1927, С. 125, примеч. 1.

Шилейко анализирует и языковые особенности соответствующего египетского текста, рассматриваемого им как первая египто-вавилонская билингва. Он обнаруживает познания в исторической фонетике египетского и только что дешифрованного клинописного хеттского языков*. Этим последним Шилейко занимается на протяжении нескольких последующих лет и дает образцы русских переводов хеттских табличек, теперь хранящихся в Эрмитаже**. Шилейко заинтересовывается особым видом клинописи и аккадского языка, представленным табличками из Каниша (Кюль-Тепе), где на рубеже III и II тыс. до н. э. находились староассирийские торговые колонии. Перевод некоторых из этих текстов***, которые в то время большинству ассириологов были непонятны, составляет одно из проявлений изумительной интуиции Шилейко. Типологическим сопоставлением с одной из староассирийских печатей на

* Шилейко В. К. Фрагмент из Богазкея в собрании Лихачева // Зап. Вост. отд. Рус. Археол. о-ва. 1918. Пг., Т. 25, С. 77—82.

** Шилейко В. К. Богазкейские фрагменты в собрании Н. П. Лихачева // Изв. Рос. Акад. истории материальной культуры (сокращенно ИРАИМК). Л., 1925, Т. 4, С. 318—324, табл. XVI—XVII.

*** Шилейко В. К. Документы из Гюль-Тепе.— В кн.: ИРАИМК. Пг., 1921, Т. 1, С. 357—364.

таблетке из Канеша кончается статья Шилейко о найденной в Причерноморье печати с древнеперсидской надписью; статья, сопоставляющая эту надпись с другими аналогичными, свидетельствует о глубоком изучении Шилейко древнеперсидской клинописи, языка и искусства*. Одна из публикаций тех же лет посвящена надписям на разных семитских языках из наших собраний и говорит об очень широком семитологическом кругозоре автора**. В то же время Шилейко продолжает и публикации древнемесопотамских материалов из собрания Музея изящных искусств в Москве***, где с 1924 г. он работает заведующим подотделом Ассирии (Передней Азии), потом — заведующим отделом Древнего Востока. До 1929 г. он не оставляет и лекций в Ленинградском университете, начатых

* Шилейко В. К. Печать с легендой Артаксеркса. // Жизнь музея: Бюл. Гос. музея изящных искусств. М., 1925, № 1, С. 17—19.

** Шилейко В. К. Заметки по семитической эпиграфике.— ИРАИМК. Пг., 1921, Т. 1, С. 103—110.

*** Шилейко В. К. Печать из Ашнуннака // Памятники Гос. музея изящных искусств. М., 1926, вып. 5, С. 5—6. Статья, особенно примечательная разбором обрядовой роли ключевой воды, судя по ее тексту, предполагала продолжение (там же, с. 6, примеч. 4, обещана статья о шумерской формуле «добрый месяц»).

в 1922 г. (после 3 лет чтения лекций в Археологическом институте).

Помимо нескольких статей о староаккадских и старовавилонских текстах* и о вавилонских текстах в греческой передаче, от последних лет жизни Шилейко сохранилась в рукописи сделанная им важная работа по инвентаризации огромного числа клинописных текстов из собрания Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (в рукописи остались и наброски статей об отдельных текстах). В составленном В. К. Шилейко подробном описании содержатся полные переводы или краткое изложение содержания текстов, замечания об особенностях их письма, отдельных идеограммах и терминах, в некоторых случаях—копии подписей и рисунков. Особое внимание Шилейко обращает на таблетки в конвертах и привесные буллы или таблетки с отверстиями для шнура. Многочисленные наблюдения о подобных буллах при корзинках с таблечками (pisan-dub-ba) позволяют думать, что Шилейко заметил те явления в истории древнемесопотамского письма, которые в недавнее время позволили Д. Шмандт-Бессера

* Шилейко В. К. Прогнозы по движению луны; Он же. Фрагмент астрологического комментария.— Докл. АН СССР, 1927, С. 196—199.

восстановить его предысторию*. Из отдельных табличек, перевод которых дал Шилейко, стоит отметить ту (инвентарные номера 336—1367), где упомянуто имя Или-Да/ган/ (реконструкция поврежденного места, данная Шилейко под вопросом, но бесспорная в свете новых открытий) из города, название которого Шилейко (как и некоторые современные ассириологи) читал Ибла; недавнее обнаружение огромного клинописного архива в Ибле-Эбле и здесь подтверждает верность глаза Шилейко, выбиравшего именно те памятники, изучение которых сулило открытие нового.

Шилейко объяснил сохранившийся фрагмент старовавилонского эпоса о Гильгамеше, где речь идет о напавшем на героя после гибели друга ужасе перед смертью. Он сопоставил фрагмент со стихами о смерти и загробном мире древних и новых европейских поэтов от Еврипида до Тассо. Сравнительное литературоведение при интерпретации текста привлекает все возможные параллели, невзирая на различия дат, широт и долгот. В определенном смысле «Гильгамеш» остается современным нам произведением.

* Гельб И. Е. Опыт изучения письма: Основы грамматики /Пер. с англ. М., 1982, С. 324—328.

В Эрмитаже хранится древнемесопотамская каменная печать, на которой изображены борющийся со львом человекобык, отождествленный Шилейко с Энкиду — постоянным спутником Гильгамеша, и другой герой, согласно Шилейко, — Гильгамеш, возвращающийся от истоков Тигра и Евфрата. Печать сопровождается подписью писца — будущего правителя; было обнаружено, что подобные подписи обычны на печатях, изображение которых сопоставимо с эпическими повествованиями о Гильгамеше.

Сравнение таких предполагаемых иллюстраций к эпосу с двумя тогда известными аккадскими его версиями привело Шилейко к выводу, согласно которому 12 таблиц, сохранившихся в клинописной библиотеке Ашшурбанипала, обнимают не все сказания с именем Гильгамеша. Шилейко считал, что сказания подразумевают шумерский подлинник. Обе эти гипотезы, им высказанные в 1918 г., подтвердились, когда уже после смерти Шилейко были открыты шумерские подлинники, в некоторых случаях непосредственно сопоставимые с древними изображениями на печатях (в том числе и с теми, которые хранятся в наших музеях). Современная наука согласна с Шилейко и в понимании сказаний о Гильгамеше как открытого цикла песен, исполнявшихся рапсодами.

Свои взгляды Шилейко обосновывал, в частности, сопоставлением «Гильгамеша» с «Сошествием Иштар в преисподнюю», перевод которого он опубликовал несколько лет спустя. Он отметил, что в трех случаях в обоих произведениях повторяются одинаковые ходячие формулы или даже целые отрывки (описание загробного царства). Сходные со встречающимися в «Гильгамеше» формулы Шилейко нашел и в некоторых других произведениях вавилонской литературы. Эти наблюдения, теперь общепризнанные, позволяют понять ее как единое целое.

К числу замечательных интуитивных догадок Шилейко принадлежит его мысль о том, что (в согласии с поздним преданием, дошедшим до античности) существенным эпизодом начала легенды о Гильгамеше был полет орла. Эта догадка подтвердилась после обнаружения Крамером в 30-е гг. нашего века шумерской поэмы о Гильгамеше, срубившем мировое дерево, где гнезвился орел Анзуд, птенцы которого были перенесены в горы. Особенно поразительным представляется то, что в подобных случаях восстановления поврежденного текста, предлагавшиеся Шилейко, во всех подробностях подтверждаются позднейшими открытиями и исследованиями.

В последние годы своей жизни Шилейко изучал шумерскую элегическую поэзию*, но его записи, относящиеся к этим текстам (как и многое другое из его научного и поэтического архива), пока не найдены. Но и то, что сохранилось**, в том числе и небольшие статьи, включенные вместе с избранными переводами и оригинальными стихами в настоящее издание, дают представление о громадном научном диапазоне В. К. Шилейко. Слова, определяющие размер дарования гения,—затасканные, их часто употребляют не по назначению. В случае Шилейко никакое другое не может верно обозначить ту глубину научного и поэтического чутья, проникающего в суть текстов, иной раз до сих пор остававшихся бы загадочными, когда бы не ясность прозрений Шилейко, их изучавшего. Стоит грустить о краткости его жизни, о потере многого им

* Крамер С. Н. Две элегии на табличке Музея им. А. С. Пушкина. М., 1960, С. 34, 65, ср. также предисловие акад. В. В. Струве и Л. А. Липина, там же, с. 5.

** Общий обзор напечатанных работ В. К. Шилейко см.: Грибов Р. А. Из истории русской ассириологии: В. К. Шилейко (1891—1930) // Очерки по истории Лен. ун-та, II. Л., 1968 (там же см. о некоторых из пропавших его работ); Постовская Н. М. Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе. М., 1961, С. 54—58, 61, 66, 75.

открытого и переведенного. Еще больше стоит поражаться тому, как много мог успеть ученый, работавший годами в тяжелейших бытовых условиях. Поступая в 1924 г. на работу в Музей изящных искусств, Шилейко писал в заявлении о приеме на службу: «У меня нет никакого движимого имущества».

О нем можно было бы сказать словами поразительного перевода «Сошествия Иштар в преисподнюю»: «Одет он, словно бы птица, одеждою крыльев». Крылья несли его над всеми тяготами. Сочетание полной невосприимчивости к бытовым и вообще житейским лишениям, о которых еще напишут биографы, с духовным пламенем, о котором свидетельствуют и научные, и поэтические его тексты,— лишний знак причастности своему времени. Выход этой небольшой книги— начало необходимой, пусть поздней, дани, которую мы должны воздать Владимиру Казимировичу Шилейко—ученому, поэту, исследователю далекого прошлого, в своих трудах заглянувшему одновременно в истоки и в будущее поэзии и науки.

Вяч. Вс. Иванов

Оглавление

О поэзии древнего Двуречья	
<i>Предисловие Вяч. Вс. Иванова</i>	
	5
Ассиро-вавилонская поэзия	
	17
<i>Приложение</i>	
<i>Стихотворения 1914—1919 гг.</i>	
	115
Одетый одеждою крыльев (О переводчице В. К. Шилейко)	
<i>Послесловие Вяч. Вс. Иванова</i>	
	129

Всходы вечности

Ассиро-вавилонская поэзия

В переводах В. К. Шилейко

Редактор О. Б. Федорова

Художник Д. Ф. Терехов

Макет Б. В. Трофимова

Художественный редактор Н. В. Тихонова

Технический редактор А. З. Коган

Корректор В. А. Коротаева

Ретушер Е. А. Стогова

ИБ № 1503

Сдано в набор 04.09.85. Подписано в печать 14.08.86. А11832.
Формат 84×90/64. Бум. мелован. 115 г. Гарнитура «Таймс» и
«Гельветика». Офсетная печать. Усл. печ. л. 3,5. Усл. кр.-отт. 7,26.
Уч.-изд. л. 4,78. Тираж 7.000. Заказ № 3029. Изд. № 3879.

Цена 4 р.

Издательство «Книга», 125047, Москва, ул. Горького, 50.

Фотонабор выполнен ордена Октябрьской Революции и ордена
Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типогра-
фия» им. А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Госкомиздате
СССР. 113054, Москва, Валовая, 28.

Отпечатано в московской типографии № 5 Союзполиграфпрома
при Госкомиздате СССР.

129243, Москва, ул. Мало-Московская, 21.